НАЗИР САФАРОВ

Ж11.5Я2.133
С21

НАЗИР САФАРОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В 3-х ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПОВЕСТИ И ПЬЕСЫ

Мр 2009 ПД24
TOSHKENT SHAHAR YASHNOBOD TUMANI
№ 5534
AXBOROT-KUTUBXONA MARKAZI

Ташкент
Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма
1985

Уз2
С21

Сафаров Н.

Избранные произведения. В 3-х томах. Т.2. Документальные повести и пьесы.—Т.:Изд-во лит. и искусства, 1985.—344с.,ил.

Во второй том «Избранных произведений» в трех томах Назира Сафарова вошли документальные повести о Героях Социалистического Труда Турсуной Ахуновой и Бузрукходже Усманходжаеве и пьесы о становлении и утверждении Советской власти в Туркестане.

С $\frac{4702570200-131}{M352(04)-85}$ 101—85

Уз2 + 63.3(2У)

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма (переводы, отмеченные в содержании*, и оформление), 1985 г.

Yashnobod Qurilish kasb-hunar koll

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПОВЕСТИ

ДЕВУШКА СМОТРИТ ВДАЛЬ

Кто она?

Мне хочется привести несколько отрывков из статей, докладов и выступлений.

Это только факты.

Факты, которые часто мужественнее и яснее слов. Для тех, кто вышивает свою строку замысловатым узором, эти строки, может быть, покажутся слишком простыми, а для меня они звучат громче карная.

Итак, несколько газетных строчек.

...Турсуной Ахунова:

— Я взяла обязательство собрать сто тонн хлопка на новой машине «ХВС-1,2», я собрала двести десять тонн. Этой машиной я собирала за день по шесть-восемь тонн хлопка. Такое количество хлопка раньше собирали сто колхозников.

...Указом Президиума Верховного Совета СССР Турсуной Ахуновой присвоено звание Героя Социалистического Труда.

...Знатный бригадир Молдавии трактористка Бронислава Вершкова будет соревноваться с Турсуной Ахуновой за досрочное выполнение семилетки.

...Ткачиха Савинской фабрики (Ивановская область) Юлия Вечерова вызывает на соревнование Турсуной Ахунову.

...Звеньевая колхоза «Кзыл Мехнат» (Киргизия) по примеру Турсуной Ахуновой будет убирать хлопок машиной.

...600 девушек Узбекистана учатся на курсах водителей хлопкоуборочных машин. Они будут убирать хлопок по примеру Турсуной.

...Депутат Верховного Совета СССР Аим Камалова (Каракалпакская АССР) отказалась от ручной уборки хлопка. Она обязалась собрать по 80 центнеров с каждого гектара и убрать по примеру Турсуной Ахуновой на хлопкоуборочной машине 250 тонн хлопка.

Кто же она — Турсуной Ахунова?

Молодая узбечка. Небольшого роста, на вид еще совсем юная, похожая на мальчишку.

Но прежде чем рассказать о ней, мне нужно многое вспомнить.

Руки — муки

Несколько лет назад, по заданию редакции газеты «Кызыл Узбекистан», я был в командировке в Ферганской долине.

Был конец июля. На полях цвел хлопок. Стояла та жара, которая очень полезна для хлопка и очень вредна для людей. Солнце пекло невыносимо. Пот оставлял на спине, на руках желтые разводья соли. Он тек по лицу, по рукам, по ногам большими каплями, и капли эти были соленые, как слезы.

Я окинул взглядом все это широкое поле, посмотрел вдаль. Беспощадное солнце завесило все небо мутно-белым тяжелым маревом. За ним ничего не было видно.

На поле работали женщины. В руках у них были кетмени, на головах намотаны куртки.

На поле был секретарь райкома, с которым я и приехал в колхоз. В правлении к нам присоединились председатель колхоза, два бригадира-полевода, бригадир тракторной бригады и кладовщик с камчой в руках. Если захочешь, то в свите у тебя никогда не будет недостатка. Так получилось и на этот раз. И это мне не понравилось, показалось нескромным, и поэтому, вероятно, мои вопросы были вызваны больше раздражением, чем любознательностью:

— Как вы думаете, для чего навернуты эти куртки? У них на головах прямо султанские тюрбаны.

— По-видимому, от солнца,— спокойно ответил секретарь райкома.

— Да, от солнца,— повторил председатель колхоза,— по-видимому, от солнца...

— Только от солнца?..— спросил я.

— Да, и привычка еще,— ответил секретарь райкома.

— Да, привычка,— повторил председатель колхоза. Секретарь взглянул на него, и тот умолк.

— Я не вижу мужчин,— сказал я.

— Мужчины на другой, более тяжелой работе,— ответил секретарь райкома.— По-видимому, так? — Он взглянул на председателя колхоза, и тот молча кивнул головой.

— На какой? — спросил я.

— На какой? По-видимому, арбакеши, чайханщики,— ответил секретарь райкома.

Тем временем мы подошли поближе к работающим женщинам. Все они были одеты в свободные широкие платья.

Они молча работали кетменями. Я поздоровался, никто не ответил мне. Работа продолжалась.

— Не уставайте,— сказал я.

Это узбекское приветствие, обозначающее нечто вроде — бог вам в помощь! Никто не обернулся, никто ничего не ответил, только минуту спустя выпрямилась пожилая женщина: она была одна среди девушек. Пожилая кетменщица ответила:

— Спасибо.

Я что-то спрашивал, никто мне не отвечал. Все девушки отворачивались от нас, старались не показать своих лиц.

— Оказывается, их покрывала и куртки не только защищают от солнца,— сказал я вполголоса.

— Э, они молодые,— ответил секретарь райкома,— стесняются.

И он обратился к девушкам. Он сказал, что вот, мол, приехал писатель, он хочет поговорить с ними. Все кетменщицы продолжали работать, а секретарь райкома говорил, что молчать неприлично, и что, если писатель спрашивает, надо отвечать. Тогда они разогнули спины, собрались кучкой лицом друг к другу, стараясь укрыться от нас. Несколько раз кладовщик взмахивал своей плеткой и ворочал суровыми, навыкате глазами, показывая белки. Но и это не помогало.

Я поинтересовался: какая норма? Девушки молчали. Тогда я спросил их:

— А где же мужчины?

И девушки ответили хором, словно по команде:

— Мы не знаем, спросите у председателя.

А председатель, видимо, не впервые слышал подобные вопросы и знал наизусть ответ. Он по привычке прикрикнул на девушек:

— Га,— сказал он.— Председатель! А вы сами не знаете?

Он повернулся к нам и стал перечислять, загибая пальцы: сколько людей на сенокосе, сколько собирают ячмень и пшеницу, сколько на пастбище. Говорил он быстро, у него слова звучали очень убедительно.

— У нас нет своих пастбищ,— говорил он,— наши мужчины с отарами за горами, в Киргизии...

А девушки больше не сказали ни слова, и ни одна не повернула к нам своего лица.

Вечером, гуляя по кишлаку, я встречал много мужчин. Много мужчин собралось вечером в правлении, много мужчин сидело в чайхане.

Я проехал по многим городам, районам и кишлакам трех областей Ферганской долины. Побывал на многих базарах, в

кишлачных чайханах. Там и днем я видел много мужчин. Да что тут доказывать, когда всем и без того ясно: в поле работают почти только женщины и девушки. Так оно и есть. Так и до сих пор.

Колхоз, о котором я говорил, был богатым, с миллионными доходами, миллионные доходы получали даже во многих бригадах.

Секретарь райкома очень хвалил мне одну бригаду, и мы поехали туда на полевой стан, где летом живут все колхозники — работают, питаются и отдыхают. Полевой стан мне понравился. Здесь все было очень хорошо и как-то по-домашнему устроено. Под тенистыми деревьями — лежанки-супы, на супах расстелены курпачи — ватные одеяла для сидения, много цветов и зелени, а в комнатах — никелированные кровати с сетками, в нишах — одеяла горой, на полках чайники с пиалами, как в хороших домах, даже ложки разложены рядами. Мы побывали в детских яслях. И там мне все очень понравилось. Понравилась и воспитательница — молодая узбечка с открытым лицом, смелая, решительная, боевая.

Она нам показала своих воспитанников. Из группы ребятишек, игравших в песке, вышел паренек лет пяти в одной рубашонке, загорелый, румяный, круглощекий, видно, очень смышленый.

Но... опять это проклятое «но»— на шее, на нитке у него висел тумар — треугольная бумажка с заклинанием от болезней и всевозможных несчастий.

Тумар легко и за вполне доступную цену можно получить у любого кишлачного муллы.

— Как тебя зовут? — спросил я мальчугана.

— Муминджан.

— А где твои папа и мама?

— На работе.

— А это что такое? — Я притронулся к тумару.

— Это тумар.

— А кто это тебе дал?

— Домулла-пачча.

Буквально слово «пачча» значит «зять», но в этой местности оно означает «дядя».

— Как его зовут, этого пачча?

— Не скажу,— решительно ответил мальчик.

— Кто дал тебе тумар, знаешь, а как его зовут, не знаешь. Кто тебя этому учил: мама, бабушка?

— Не скажу,— решительно ответил он.

— А ты не знаешь, что твоя шейка отравлена этим тумаром? — спросил я мальчика.

Он ничего не ответил, и тогда я обратился к председателю колхоза:

— А ведь здесь, наверное, есть агитатор?

— Есть,— и председатель показал на воспитательницу.

— Вот вы говорите,— заметил я потом секретарю райкома,— что женщины укрывают головы от солнца этими своими куртками, а они еще ими скрывают и свое лицо, так же как этот мальчуган скрывает имя муллы.

— Ничего не поделаешь — сказываются местные условия, — ответил секретарь райкома.

Почему-то всегда в таких случаях мы не находим лучшего ответа и все сваливаем на местные условия.

...Вечером того же дня я проводил беседу с селькорами и начинающими писателями. Мы разговаривали почти до рассвета. Ночь была тяжелая, густая от дневного зноя. Говорить мне было трудно.

Мы разобрали несколько стихотворений, несколько заметок в стенной газете. Я рассказал о случае с тумаром, посоветовал об этом писать, разъяснять людям, что означают талисманы, щедро раздаваемые муллами.

Я говорил о многих пережитках, с которыми надо воевать, об узбекских женщинах, которые с весны до поздней осени работают на поле и, по существу, несут на себе всю тяжесть, всю ответственность и всю славу хлопководства. А мулла заставляет их молчать и закрывать лицо...

Перед рассветом, когда стало прохладнее, один из селькоров вызвался довести меня на мотоцикле до города. Была полная луна, но ее загораживали высокие тополя, и казалось, что мы едем в туннеле. Мой водитель гнал мотоцикл с такой скоростью, что я, честно говоря, немного перетрусил. Подумал: вот под Балатоном не погиб, а здесь, пожалуй, придется сложить голову.

Он словно услышал мои мысли, но понял их по-своему.

— Сейчас дорога будет получше,— сказал он,— и можно будет прибавить скорость.

Мы приехали в город ранним утром. По улицам в сторону базара тянулись арбы, ишаки с грузом, шли первые покупатели, чаще всего женщины. Я смотрел на них. Паранджи не было, но у всех у них лица закрыты покрывалами, в которых лишь отверстия для глаз.

И я пошел в обком.

Я познакомился с заведующей отделом по работе среди женщин. Глядя на нее, я подумал: верно, трудно ей приходится — воевать за освобождение женщин от предрассудков, от всех этих тумаров, покрывал...

Я стал ей рассказывать о своих впечатлениях и заметил, что покрывала, по существу, ничем не лучше паранджи. Даже хуже. Мы еще в 1926 году покончили с паранджой, говорил я, но лучше уж паранджа, чем эти покрывала. Вспомните, какие были прекрасные паранджи. Я, например, помню: бархатные, разноцветные, с орнаментом, или очень были красивы из парчи, а эти покрывала делают из какого-то старого полотенца, из куска дастархана — из скатерти. Это намного хуже паранджи.

Завотделом явно меня не поняла.

— А вы, товарищ, откуда?

— Я из газеты.

— А документы у вас есть?

У меня не было редакционного удостоверения. Был только паспорт.

Она позвонила куда-то по телефону и сказала, что вот, мол, сидит человек, назвавший себя корреспондентом газеты «Кызыл Узбекистан», но документов у него нет. И что дело не в этом, а в том, что он задает странные вопросы и настроение у него явно нездоровое: обвиняет нас в том, что мы потворствуем феодально-байским пережиткам.

Через несколько минут мы сидели в кабинете секретаря обкома партии.

Мне, конечно, поверили и без документов. Секретарь обкома кое-что читал из моих вещей, а в областном драматическом театре видел две мои пьесы.

— Иной раз бывает так,— сказал секретарь обкома,— мужчина выходит из дома на работу, а свернет в чайхану... Это надо будет еще раз проверить. А что касается паранджи...— он подумал, побарабанил пальцами по столу и сказал:— Да, надо признать — это наша недоработка,— вздохнул:— Черт его знает что. Вчера слушали вопрос о художественной самодеятельности — тоже сколько надо еще делать...

Мне подумалось, что у этого человека так много работы, что порой он не знает, за что ему взяться, и беда еще и в том, что за многое ему приходится браться самому.

Дорогой читатель, я очень хочу, чтобы великолепная наша техника получила самое широкое распространение, чтобы был облегчен тяжелый труд женщин.

Вот почему я пишу так подробно обо всем, что связано с пережитками. Ведь в конце концов, проблема механизации — это и семейная, и моральная проблема.

...Я тоже в свое время собирал хлопок и знаю, как это трудно.

В тот год все узбекские писатели поехали на сбор хлопка. В нашем звене, если так можно нас назвать, были Уйгун, Гафур Гулям и я. Уже через двадцать минут я не мог разогнуться — так болела у меня поясница. Да и руки оказались у нас очень нежные. Мы кое-как отработали день, а наутро уже не могли коснуться руками края коробочки. Края ее были сухие и острые, и наши пальцы опухли и кровоточили.

Нас было много на поле, и у каждого была норма, не помню сейчас, какая, но помню, что жесткая. Нам сказали: хочешь, работай год, хочешь — день, но норму выполни. Мы приехали с семьями, чтобы было легче.

Очень трудно было Гафуру Гуляму. Он редко, медленно разгибал спину, стоял и долго кашлял. Он старался догнать увертливого и прыткого Уйгуна. Однажды в час отдыха, когда Гулям заснул, мы пополнили его фартук хлопком. Он не заметил этого. В тот день он выполнил дневную норму. Нам показалось, что работать ему стало легче. Он поверил в себя.

А я не мог поверить, я не мог смириться с тем, что нужно убирать хлопок руками. Я, родившийся в Средней Азии, для которой хлопок — это все, я только тогда начал понимать, что такое труд хлопкосборщицы.

В Ташкенте я решил зайти к умному, с богатым жизненным опытом человеку — Усману Юсупову.

Я хотел поговорить с ним о механизации хлопководства, чтобы, может быть, потом написать о машинах. Мне даже казалось, что я могу написать об этом пьесу. Пьесу я написал, и, может быть, поэтому мне так запомнился тот разговор.

Мы поговорили о том, как быстрее собирать хлопок, с тем, чтобы осенью завершить пахоту зяби. Если этого не сделать, в земле будет меньше влаги, останутся сорняки, а все это может сказаться на урожайности будущего года. У нас даже есть пословица: если осенью не вспашешь, то летом хоть тысячу раз паши — толку не будет.

В те годы мы не успевали пахать осенью. Мы старались убрать весь хлопок, до единой коробочки; убирали до января, собирали хлопок из-под снега, чтобы выполнить план. Но это плохо влияло на урожайность будущего года. Сейчас и с зябью, и с севом, и с продольно-поперечной обработкой все обстоит благополучно. В нынешнем году более 1200 тысяч гектаров, или девяносто процентов всех посевов, обрабатывались продольно-поперечно. А осенью тысячи хлопкоуборочных машин соберут шестую часть урожая.

В те же годы, я помню, колхозники брали веревку с двух концов и с нею ходили по рядкам, сбрасывая с кустов снег, а потом, в слякоть, убирали хлопок. Весной для пахоты часто

неподходящая погода: дождь, грязь, а сев все оттягивается. Сколько было лишних затрат, как все это снижало урожайность. Тогда об этом говорили и колхозники и ученые, об этом я и пришел рассказать Усману Юсупову, рассказать то, что он хорошо знал и без меня.

— Где выход? — спрашивал я.— Может быть, мне написать об этом?..

Усман Юсупов ходил по комнате, думал, молчал.

— Это нелегкая задача — писать о сегодняшнем дне,— наконец сказал он.— Да, нелегкая. Писателю надо иметь бельбаг.

Бельбаг — это поясной платок. Поясной платок носят только мужчины. У нас и теперь иногда говорят: ты кто? Разве ты мужчина? Где у тебя бельбаг? То есть если ты мужчина, у тебя должно быть мужество.

Писать о сегодняшнем дне — это тоже значит иметь бельбаг. Это дело благородное, но тяжелое. Примерно об этом мне и говорил Усман Юсупов.

— Вы знали жизнь узбека до революции, ее знал и я,— продолжал он.— Вспомните, каковы были обычаи? Например, набирает женщина два ведра воды из арыка... Или кетменем перекрывает арык. Мимо идет мужчина. Обычай такой: он возьмет и поможет кетменем закрыть арык или отнести ведра. Он не пройдет мимо. Женщина — мать, потому ее уважали, ей помогали. А сейчас все женщины в поле... Это, конечно, понятно: мы строим новое общество, и его должны строить не только мужчины, но и женщины. Они должны помогать, но нельзя женщин оставлять одних в трудных делах.

Я думал: да, женщина отошла от домашнего очага, к которому была привязана, стала работать в поле — это хорошо. Но труд на поле — самый тяжелый, да и оплачивается он хуже, чем на не очень мудреной работе — скажем, чайханщика и арбакеша. Произошло какое-то смещение: женщина не стала арбакешем или чайханщиком. Это осталось делом мужчины. Но, придя в поле, женщина не разделила труд мужчины, а приняла его целиком на себя. Получается так: муж на выгодной работе, он больше зарабатывает трудодней,— значит, всей семье живется лучше... и женщина вынуждена смириться, смириться порой с мужским бездельем.

А если женщине платить больше, чем арбакешу? Тоже нельзя. Производительность ручного труда низкая, и повышать себестоимость мы не можем. Эдак прогорит колхоз. Значит, выход один — механизировать процессы хлопководства, увеличивая производительность труда и высвобождая женщин.

— Ручной труд надо заменить техникой,— заключил Усман Юсупов.— А у нас есть ее противники. Они в нашей неорганизованности, в несогласованности в тех или иных вопросах... Да и люди встречаются...

— Да, понятно,— сказал я, почесав затылок.

— Поэтому я вам и сказал, что трудно писать о сегодняшнем дне,— заметил Усман Юсупов.— Надо все со всех сторон обмозговать: и так и эдак. Потом, лет через десяток, будет легче — и писать и работать.

Этот разговор остался у меня в памяти.

Мне кажется, ручная уборка — бедствие для нашего народа. Я начинаю подсчитывать потери.

Потери у студентов, приезжающих убирать хлопок. В течение скольких лет они недослушивают лекции, не выполняют важные работы или выполняют наспех.

Большие потери у рабочих, у служащих, ученых, которые, работая в поле, не выполняют своих основных обязанностей. Потери и самого хлопка, ибо неопытный сборщик собирает надозрелый и влажный хлопок из только что раскрывшихся коробочек.

Нельзя забывать об этих потерях.

Я побывал в Чиназском районе. Там недавно провели экономическую конференцию. Выяснилось, что в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году на уборку хлопка в район приехало из Ташкента две тысячи двести человек. Они собрали в среднем восемнадцать процентов от общего количества хлопка, собранного в районе. За эту работу они получили пять миллионов пятьсот тысяч рублей. По нашим подсчетам, на эти деньги колхозники могли бы купить сто пятьдесят шесть хлопкоуборочных машин и собрать ими весь хлопок; или могли купить тысячу двести коров; или построить пять средних школ.

Еще несколько слов о путях механизации.

Не так давно в журнале «Народное хозяйство Узбекистана» я прочитал статью инженера Л. Голышева. Мне показалось, что я давно уже думал так же, как он; и, видно, не один я.

В статье много интересных фактов, некоторые из них я хочу привести.

Общеизвестно, что квадратно-гнездовой сев лучше проводить с заданным количеством семян в каждое гнездо. При этом способе в три-четыре раза сокращается расход семян, не нужно прореживать всходы, а это освобождает по всей республике около семи миллионов человеко-дней в год.

В нынешнем году таким способом засеяно пятьдесят тысяч гектаров. Но это не все. Дело в том, что в гнезда высевают

по пять-шесть семян, а прорастают только два-три, остальные погибают по тем или иным причинам. Какие же колоссальные резервы имеются только в этой области хлопководства!

А с машинами? Мы говорили о том, что им нужен один хозяин. А у нас часто оказывается несколько — и среди них много безответственных.

Вот, скажем, научно-исследовательский институт дает технологическую схему, конструкторские бюро создают свой проект, а выпущенная заводом машина оказывается неудачной. Примеров можно привести множество. Возьмите хотя бы случай с бороной, вычесывающей корневища сорняков. Опытный образец изготовлен конструкторским бюро по материалам, представленным Институтом механизации и электрификации, а борону пришлось забраковать. И время и средства не окупились, и виновников не нашлось.

Где же единая организация, которая отвечает за оснащение хлопководства новой совершенной техникой? Может быть, Министерство сельского хозяйства, может быть, совнархоз? Кто бы ни был, но нужен хозяин, который бы координировал работу институтов, конструкторских бюро и заводов, который бы постоянно связывал их работу с требованиями колхозов и совхозов. Почему нельзя организовать в колхозах бригады и звенья, проверяющие новую технику и новые агроприемы?

Мне совершенно ясно, что без умного, рачительного хозяина мы не сможем облегчить труд женщин. Да, опять мы заговорили о женщине.

На нашей женщине лежит непосильный труд. Дом, питание, дети, стирка, уборка. Надо подоить корову, испечь лепешки, надо ухаживать за мужем. И еще работать в поле.

А мы требуем, чтобы она еще успевала ходить в кино, читала бы книги — чтобы она была равноправной с мужчиной. Какие же тут права, когда есть одни обязанности?

Я понимаю, что говорю резко, но, мне думается,— справедливо. Я, конечно, знаю, что девяносто процентов всех посевов обрабатывается машинами. Я знаю, что 8500 бригад комплексной механизации возделывают хлопчатник на площади 850 тысяч гектаров. Но я знаю, что всегда найдется некий человек, который мрачно покачает головой, произнесет какое-нибудь многозначительное междометие, а потом обязательно начнет приводить цифры. О том, что у нас около трех тысяч женщин получили звание Героя Социалистического Труда, что очень многие женщины лауреаты и депутаты Верховных Советов. А я буду смотреть в лицо этого человека и думать, что ничего он не понимает. Не понимает ни моего волнения, ни боли. Ему неважно, что столько женщин работает в поле под

палящим зноем. Это для него, так сказать, данные неофициального порядка. А для меня важны именно эти, неофициальные данные, ибо всем нам партия приказала воевать за каждого человека, каждому человеку обеспечить жизнь.

Я знаю много женщин-героинь.

...Я знаю Алияхон Султанову — сельскую учительницу, шелковода, лауреата Государственной премии и Героя Социалистического Труда. По ее методу начали выращивать коконы.

...Я знаю звеньевую Хадичу Ахрарову, которая со своими подругами собрала по 75 центнеров хлопка с каждого гектара. Ее метод — тщательнейший уход за посевами.

...Я знаю Парду Азимову. В двадцать лет она осталась вдовой с двумя детьми. Вместе с подругами Парда Азимова пошла в степь, под Джизаком, на безводный участок Таш-Тепа — Каменный курган. Там бригада Азимовой начала возделывать хлопчатник. Девушки возделали сначала пятьдесят гектаров, провели арыки, посадили хлопок. Сейчас в «каменной пустыне» 150 гектаров хлопковых плантаций, а вокруг распахана уже вся степь.

...Я знаю Алтыной Ачилову, председателя сельского Совета, очень молодую и очень энергичную женщину. Не время и не место сейчас рассказывать о том, как она организовала работу сельского Совета, но важно то, что она это сделала, когда о ее Совете стали много говорить, стали приезжать учиться, она, уже знаменитый председатель, пошла бригадиром в отстающую бригаду колхоза. Эта бригада получила высокий урожай — по 48 центнеров с гектара.

...Я знаю Шарафат Баракаеву. Ее судьба немного схожа с судьбой Парды Азимовой. Через две недели после свадьбы началась война. Муж не вернулся с фронта. В семнадцать лет Шарафат осталась вдовой. Вместе со старухой матерью они пошли работать в поле. Родился сын, но судьба не была жалостлива к женщине — ребенок умер. Молодой вдове тогда казалось, что и ее жизнь кончилась. Никто не мог ее успокоить, тогда в райкоме партии, в правлении колхоза решили сделать Шарафат бригадиром большой полеводческой бригады.

Бригада Шарафат тоже осваивала пустыню. Когда однажды рыли глубокий арык, выкопали из земли несколько старых заржавевших мечей. Потом выяснилось, что здесь когда-то стоял старинный город, снесенный во время татарского нашествия.

Сейчас потомки тех, кто сражался с ордами Чингисхана, на этой же земле выращивают хлопчатник.

Мне кажется это очень важным, когда я думаю о мире и о войне, о том, как сквозь века, сквозь горе недавней войны пробивается жизнь, радость, на пепелище вырастает зелень, и возделывает землю как раз тот человек, которому война принесла такие непоправимые потери.

Шарафат теперь Герой Социалистического Труда. Ее бригада собирает по 67 центнеров хлопка с гектара.

...Я знаю старую Шарафат Хамидову, мать-героиню, и, когда я думаю о ней, мне становится стыдно, что я иногда мельком пробегаю в газете указы о награждении Звездой героини наших матерей-труженицы,— ведь они такие же, как Хамидова.

Мне хочется рассказать о ее детях и внуках.

Малахат — судья, она воспитывает пятерых детей, а ее дочь — троих.

Воси окончил сельскохозяйственный институт. Работает начальником отдела пищевой промышленности; у него шестеро детей.

Сабахат — директор городского треста питания; у нее пятеро детей.

Баис участвовал в форсировании Днепра во время войны. Ему присвоено звание Героя Советского Союза. Сейчас он работает начальником отдела кадров в Министерстве социального обеспечения.

Хамид — аспирант Самаркандского сельскохозяйственного института; у него четверо детей.

Вахаб — помощник областного прокурора.

Гулия — заместитель директора Горпромторга; у нее трое детей.

Иркин — кандидат ветеринарных наук, заведующий кафедрой сельскохозяйственного института.

Халил — аспирант медицинского института и секретарь комитета комсомола.

Вот какова семья старой Шарафат Хамидовой.

...Я знаю многих поистине героических женщин. Одна сделала операцию на сердце, другая отдала свою кровь больному. Примеров можно привести много. Женщин-героинь, известных и не очень известных, вы найдете и на поле, и на заводе.

...Сама жизнь подготовила подвиг Турсуной.

Я знаю, что и до Турсуной Ахуновой женщины работали на машинах. Но почему именно она положила начало той революции, которую несет механическая уборка хлопка?

...Мелко режется мясо и лук; этот фарш обильно посыпается перцем, затем раскатывается тесто тонко, как лапша, и режется на небольшие квадратики. Концы их собирают и залепливают. Это манты — нечто вроде пельменей, но побольше их и острее на вкус. В воде их не варят — готовят на пару.

На железнодорожной станции Пахта монополия на продажу манты принадлежала Махмуду-ака. Поезда, идущие в Москву, в Ашхабад, в Душанбе, в Андижан, останавливались на станции на несколько минут. Нужно было успеть обежать состав, а иной раз, если пропустит знакомый проводник, пройти по вагонам:

— Манты! Горячие манты!

Нужно было перекричать других продавцов, торгующих овощами, дынями, крутыми яйцами, кислым молоком.

— Горячие манты! Самые лучшие манты!

После отхода поезда можно спокойно подсчитать выручку и зайти с приятелями в буфет, благо, закуска всегда при себе. До следующего поезда остается целый час, к тому времени дочка принесет из дома свежие манты.

Башарат не старая, но уже седая и издерганная нуждой женщина. Целый день она лепит, варит манты, стирает, возится с детьми. Только старшая, Турсуной, помогает ей, носит манты на станцию, да и то не к каждому поезду. Ведь у нее много своих дел: школа, уроки.

Турсуной хорошо помнит военные эшелоны. Они тоже ненадолго останавливались на станции. Помнит: как-то раз люди только подбежали к отцу, как раздалась команда:

— По вагонам!

Отец возвращается домой поздно вечером. Он него часто несет водкой.

О, эти люди при станциях! Их справедливо называют спекулянтами. Никто из них не работает в колхозе, никто не знает, что там делается. Они живут от поезда к поезду. У кого — куры, у кого — корова, у кого — дыни и овощи. В доме Махмуда-ака живут на выручку от продажи манты.

Идти на станцию для Турсуной — мука. Все эти товарищи отца — странные люди, грубые, резкие, ей стыдно слушать их слова. А идти надо. Нужно нести горячие манты к каждому поезду, и девочка впервые проявляет решительность — хорошо, она будет относить манты отцу, но не на перрон, а только к станции. Пусть там отец встречает ее.

Когда отец ругал ее за упрямство, она молчала. Она знала, что бить ее он не будет, даже когда совершенно пьян. И еще

№ 5534

одно условие: в два часа ей надо идти в школу, а потом делать уроки. Это ее время, в эти часы она занята.

Турсуной очень любила отца. Она любила, когда отец приходил трезвый, подзывал ее и разговаривал с ней. О чем? Он, наверно, говорил ей о том, что он вот такой, какой есть, и другим никогда не будет, а Турсуной — его старшая дочь. Ведь у него нет сыновей, так вот Турсуной — его старшая дочь — должна быть умной, и на нее у него вся надежда. И это хорошо, что она в два часа идет в школу. Пускай. Пока она в школе, проходит всего лишь один андижанский местный поезд, торговля там бывает неважная. Хотя, как когда. Ну ничего. Башарат сама принесет ему манты.

Один поезд не останавливался на станции Пахта — экспресс. Он проходил ночью, когда отец уже напивался.

Однажды ночью принесли на носилках бездыханное тело Махмуда-ака. Когда пришли с кладбища, мать вспомнила, что должны пройти еще два поезда, и послала Турсуной на станцию. Когда Турсуной шла туда, ей казалось, что она не сможет произнести ни слова, словно тугое кольцо завернулось вокруг шеи, сдавило горло. Увидев Турсуной, приятели отца окружили ее. Один спросил:

— Сколько тут?

Турсуной не ответила. Он молча взял миску и сунул ей в руки деньги.

— Сами продадим.

Но так не могло быть всегда. Теперь на станции торговала манты Башарат. Дома с маленькой Хайфи оставалась средняя дочь — Инобад.

Это было весной того года, когда Турсуной кончала семилетку. Она по-прежнему в два часа дня уходила в школу, а вечером делала уроки. Она, правда, стала больше помогать матери. Сама научилась готовить манты. Теперь к матери на станцию с горячими манты бегала Инобад.

В тот день, когда Турсуной сдала экзамены, она взяла во дворе отцовский кетмень, закинула его на плечо и пошла в поле.

На поле людей не было. Недавно закончился сев, и ростки хлопчатника только-только появились. Турсуной шла по зеленой долине с кетменем в руках, а на ногах у нее были отцовские галоши, в которых он был в тот, последний день. Они были велики ей, хлопали по пяткам, и сзади за ней следовало серое облачко пыли.

Где-то за полевым станом тарахтел трактор. Турсуной села на берегу арыка и стала смотреть в воду. Вдоль арыка только недавно были посажены деревья и еще не давали тени. Потом она встала и пошла к полевому стану. Там на площадке

стоял трактор. Из трубы вылетали кольца синеватого дыма. Они постепенно становились все шире и были похожи на круглые решета, в которых варят манты. Потом эти решета таяли в воздухе.

Тракторист увидел Турсуной.

— Ты чья?

— Я? Дочь Махмуда-ака. Вы, может быть, знали его?

— А, Махмуда! Махмуда-торговца, Махмуда — сто грамм?.. Кто же его не знал?

Тракторист сначала улыбнулся, потом улыбка сбежала с лица,— видно, вспомнил о трагической смерти Махмуда.

— Трудно дома?

— Нет,— не хотела признаться Турсуной,— мать сама ходит на станцию, и сестренка помогает, ей уже восемь лет.

— А ты что с кетменем? В колхоз собралась? Не пошла по отцовской дороге? А? Что же молчишь? Ведь в колхозе сейчас не больно жирно платят.

— Но вы-то ведь работаете?..— с упреком сказала Турсуной и, повернувшись, пошла в поле.

Так Турсуной вновь приняла самостоятельное решение.

Труд

Кетмени бывают разные. Я помню, во время строительства Большого Ферганского канала мне приходилось работать кетменем, у которого лезвие в поперечнике было, пожалуй, не меньше сантиметров тридцати — сорока. Он весил килограмма четыре, если не больше, а с землей десять. Наверное, сильный я был в те годы — норму свою я выполнял.

Совсем другой кетмень нужен на поле: легкий, небольшой. Кетменщица делает им в среднем тридцать восемь взмахов в минуту, если не попадается сорняк, который надо выдернуть с корнем и откинуть в сторону.

...Турсуной приходила на поле рано, когда только начинало светать. На участке еще никого не было. Турсуной на первых порах отставала от своих подруг. Поэтому она решила приходить раньше всех.

Что может быть лучше предрассветного утра на хлопковом поле! Все здесь полно какого-то удивительного очарования и тайн. Невысокий курган с молодыми тополями на вершине. Прозрачные и холодные арыки, над которыми склонились густые ветки щелковиц.

Вся долина зеленая, и в ее зелени очень красивы кусты

хлопчатника, покрытые бледно-розовыми цветами. Так же бывает, когда цветут персиковые сады.

Где-то далеко, из-за цепи гор, осторожно выглянуло солнце. Зашумели листья, тронутые утренним ветерком, и затихли. Первые лучи солнца упали на землю. Пролетела стая скворцов, снова прошумел ветер. Пора начинать.

От одного конца поля до другого шагов четыреста. Турсуной прошла уже два рядка, туда и обратно, когда на поле появились ее подруги. Их четверо в звене, и мне хочется немножко рассказать о каждой.

Самая красивая из них, конечно, Дильбар — она звеньевая. Она заправила. Тонкая, гибкая, она вся как струна. И глаза у нее быстрые, живые, под густыми бровями, сросшимися на переносице. Эти брови тоже словно живые. Когда она смеется или что-нибудь рассказывает, кажется, что и они тоже смеются, тоже рассказывают. Когда она многозначительно молчит, глядя на подругу, брови так изогнутся, что становится ясно: сейчас девушке не сдобровать. Язычок у Дильбар такой, что лучше на него не попадаться.

Другую девушку зовут Мубарак. Она единственная дочь своего отца, который, видно, очень балует ее. На вид она немного флегматична. Но это совсем не так. Стоит посмотреть, как она работает, и станет ясно, сколько в ней силы и энергии. Она предпочитает не вступать в разговор, когда говорит Дильбар. Она слушает, что та говорит и смеется.

Мингсулув не похожа ни на Дильбар, ни на Мубарак. Она всегда молчит. Что бы вы ей ни сказали, она не ответит, но, пожалуй, вы поймете, что она хочет сказать. Она наклонит голову, или двинет плечом, или улыбнется очень милой, доброй улыбкой. Это она сказала Турсуной, что девушки возьмут ее в свое звено. Это она, Мингсулув, не раз приходила к Турсуной, чтобы помочь ей нянчиться с младшей сестренкой.

Турсуной было очень трудно в первые дни. Девушки шли рядом с ней и тихонько разговаривали. Ей казалось: они не девушки, а великаны огромной силы. Когда они останавливались, чтобы передохнуть, Турсуной не могла разжать ладони. Когда они присаживались в тени у арыка, Турсуной опускала руки в воду, и тогда становилось легче. Потом на руках появились волдыри. Руки пылали, как в огне. Однажды вечером Турсуной возвращалась домой вместе с Мингсулув. Та посмотрела на руки Турсуной, покачала головой и сказала, что вечером придет к ней. Она пришла к Турсуной вечером и сказала, что надо насыпать на ладони соли — пусть жжет, но зато размягчаются суставы. Надо потерпеть, и тогда будет лучше. Турсуной не спала всю ночь, но так и не скинула с ла-

дони соль. Утром она увидела, что ранки на ладонях запеклись и руки можно сжать и разжать. Вскоре ранки превратились в мозоли.

Постепенно Турсуной втянулась в работу.

— Нам тоже когда-то было трудно,— говорит Мубарак.

— А сейчас легко? — задорно спрашивает Дильбар.

— Легко не легко, но что делать? Работа есть работа: знаем только, как восход и заход на поле встречать.

Это говорит благоразумная Мубарак. А Дильбар все подпевает Турсуной: пусть и она что-нибудь ответит. Но девушка молча работает кетменем. Она делает тридцать восемь движений в минуту. Вот она дошла до конца рядка, бросила кетмень на землю, села, вытерла платочком пот.

Она пришла последней, девушки уже отдыхают. Дильбар подошла к рядку Турсуной, сделала несколько шагов и вырвала небольшой сорняк. Она держит его двумя пальцами. Это маленькая демонстрация. Она хочет сказать: вот, оказывается, после Турсуной остаются сорняки. Но Турсуной ничего не говорит.

— Может быть, это пахта? — ехидно спрашивает Дильбар.

Обидно слушать Турсуной эти слова.

«Пахта» по-узбекски — хлопок, и звеньевая спрашивает, не хлопок ли она вырвала из рядка, который только что прошла Турсуной. Она будто не понимает, что держит в руках, а с другой стороны, напоминает, что «пахта»— название станции, на которой когда-то отец Турсуной продавал манты. Правда, скоро она сама понимает, что переборщила, но отступать она не любит, она отбрасывает сорняк и садится с девушками. Все молчат, и Мубарак не смеется. Тогда молчаливая Мингсулув говорит:

— Разве вы не видите, девчонки, что это обыкновенный сорняк? Такой хилый, такой маленький и даже надрезанный кетменем, что вовсе не обязательно надо было его выдергивать.

— Как тебе не стыдно! — говорит Мубарак Дильбар.

Турсуной ничего не отвечает. Просто нет сил говорить. Она только отдувается и вытирает пот: очень жарко, очень душно.

— Она работает, как трактор, а пыхтит, как паровоз,— говорит Дильбар. Она опять понимает, что говорит совсем не то.— Хорошо бы пожевать лепешки и выпить пиалушку чая,— переводит она разговор на другую тему.

Но сейчас не до чая и не до лепешки. Есть не хочется.

Вечером Турсуной приходит домой, и ей больше всего на свете хочется лечь в постель. Так она, впрочем, и делает — ложится на несколько минут. Потом собирается с силами, встает, ужинает, моется, стирает...

А на следующее утро первая приходит в поле.

Перед концом работы появляется табельщик. Он шагает с саженью по рядкам, и девушки ждут, пока он замерит участок. Турсуной же не дожидается — она уходит раньше. И так Дильбар скажет, что Турсуной сделала мало.

Турсуной боится: если так будет продолжаться, тогда она мало заработает. Но в колхозе ей выписали денег по разрешению председателя, дали пшеницу, и это было праздником для всей семьи. Дело было не только в этом: для всех важно, что Турсуной нашла правильный путь.

Однажды она снова встретила тракториста, которого впервые увидела в день экзамена. Она еще не знает, как его зовут, не знает, что этому человеку суждено будет сыграть немалую роль в ее жизни.

На полевом стане она проходит мимо трактора. Из-под него видны ноги, а потом появляется сам тракторист.

— Ну что, в колхозе работаешь? — спрашивает он.

Турсуной кивает. Потом тракторист еще что-то спрашивает, а Турсуной отвечает. Ей не совсем понятно, почему этому пожилому человеку интересно с ней разговаривать. И тогда Турсуной говорит, что она не выполняет нормы, тракторист сердится: норму надо выполнять, надо быть терпеливой.

— Я хотела спросить у вас,— говорит Турсуной,— нельзя ли вашим трактором обрабатывать поле вдоль и поперек рядков?

Турсуной говорит это задолго до того, как началась продольная и поперечная обработка полей. И тракторист удивляется:

— Ишь, чего выдумала.

Что-то в предложении этой девушки ему нравится.

— По-моему, можно. Ведь между растениями есть место. Лапа культиватора вполне пройдет... Ишь, какая ты шустрая. Если бы не девчонка, взял бы тебя на трактор.— Разговор кончается, и тракторист продолжает заниматься своими делами. А Турсуной с интересом смотрит на машину, и тракторист видит, что машина ее интересует. Он начинает кое-что объяснять Турсуной.

Зовут этого тракториста Ашур Бакиров. У него очень интересная судьба, и об этом я расскажу позже.

Первая встреча

Как ни труден был тот, 1953 год, когда наше сельское хозяйство только начинало круто взбираться в гору, а все-таки

труд принес свои плоды. В колхозной кладовой Турсуной получила авансом в счет заработанных трудодней мешок пшеницы. Это была большая радость, и больше всех радовалась Башарат. Она и раньше верила в Турсуной, но сейчас надежды стали действительностью. Теперь в семье будут лепешки, лапша, есть и хлопковое масло. Впервые за много лет появились запасы в семье Башарат.

Однажды Турсуной, взвалив на плечи мешок с пшеницей, пошла на колхозную мельницу: лучше перемолоть сразу все зерно на муку, чем каждый день это делать самим.

Перемолов пшеницу, Турсуной отправилась домой. До дома было далеко, но девушка не стала ждать попутной подводы. Она вообще привыкла надеяться только на себя. Хотя ноша была тяжела и Турсуной медленно шла по безлюдной дороге, настроение у нее было хорошее. Она была рада, что теперь у них будет мука. Через каких-нибудь два-три часа в доме появятся свежие горячие лепешки. Это будут совсем особенные лепешки, каких еще никогда не было в их доме.

— Не уставайте, Турсуной!

Турсуной обернулась.

— Я говорю, не уставайте, Турсуной. Позвольте мне помочь вам. Давайте я возьму ваш мешок.

Рядом с Турсуной шел Султан, молодой парень. Его недавно назначили заведующим районной конторы связи.

— Спасибо, Султан-ака,— ответила девушка. Она немного распрямилась и ускорила шаги.

Но Султан не сдавался. Он подошел к Турсуной, снял мешок с ее плеч и поставил на землю. С лица девушки крупными каплями стекал пот, щеки раскраснелись, а Султану они показались прекрасными, словно румяные яблоки. В узких щелочках глаз было смущение, а он сравнивал их с прекрасными глазами газели.

Турсуной опустила глаза и поспешно вытерла платком лицо.

Пусть изощренный знаток любовных описаний спросит: что же произошло? Ну, девушка несла мешок с мукой, ей было тяжело, что ж такого, если парень захотел ей помочь? Неужели нужно было девушке опускать глаза, а парню сравнивать ее с газелью?

Видно, у Турсуной уже кончилось детство. Шестнадцатилетняя девочка стала девушкой.

В такие минуты каждое слово, каждое движение становится многозначительным. Сначала Турсуной пыталась взять мешок, ее руку отстранял Султан. Он тоже покраснел, ему тоже было очень неловко.

— Извините меня,— говорил он,— но я понесу этот мешок.

Султан поднял мешок на плечи и, шагая рядом с Турсуной, придумывал, с чего бы начать разговор. Давайте послушаем, о чем говорят эти два человека, которым суждено через несколько лет стать мужем и женой.

— Вы испачкали мукой свой костюм,— наконец сказала Турсуной.

— Это неважно,— ответил Султан,— я его почищу.

— Вам, наверно, тяжело? — спросила Турсуной.

— Мне легче, чем вам. Мне очень приятно идти рядом с вами.

Турсуной была очень смущена этим признанием, она не знала, как себя вести, и поэтому решила пойти сзади.

— Я чувствую необъяснимое блаженство,— продолжал между тем Султан, останавливаясь и оборачиваясь к Турсуной. Но та не смотрела на него, она растерянно оглядывалась по сторонам, боясь, что кто-нибудь может их увидеть.

Да, так часто начинается любовь. Но только жаль, что порой нежные объяснения прекращаются сразу после свадьбы. Быстро мы забываем все возвышенные слова, которые произносили когда-то. Я не знаю, почему так бывает, я только знаю, что бывает именно так. Как же будет это у Турсуной?

Когда до дома осталось сотни две шагов, Турсуной сказала Султану:

— Спасибо, мы дошли. Теперь я сама донесу мешок.

Султан ничего не ответил, но пошел быстрее, и Турсуной продолжала просить, чтобы он отдал ей мешок. Парень не хотел и слушать. Тогда девушка перегнала Султана, преградила ему дорогу и стянула мешок на землю. Но когда она попыталась поднять его на плечи, Султан снова взял в плен ее руки.

— Разве я сделал плохо, что решил вам помочь?

— Как вы не понимаете,— уже с досадой сказала Турсуной,— дома мама, все это очень неприлично.

— Я не огорчил вас? — спросил Султан.

Неизвестно, в какие бы небесные выси забрался этот разговор, но в конце переулка показалась Дильбар. Меньше всего в этот момент хотела ее видеть Турсуной. А Дильбар тем временем поравнялась с ними и сказала насмешливо, обращаясь к Султану:

— Вы, наверное, несете свой костюм из химчистки?

«О, они, оказывается, знакомы»,— подумала Турсуной.

«Чего она так со мной разговаривает?— подумал Султан.— Словно мы с ней дружим сто лет».

«Чего это они молчат, как в рот воды набрали? — подумала Дильбар.— Видно, между ними что-то произошло».

— Ну, если вы не хотите отвечать, мне нечего с вами делать,— сказала Дильбар и ушла, нарочно пыля своими сапожками.

А между ними действительно что-то произошло, и уже совсем неважно, о чем они говорили, а важно, что сейчас не глядели друг на друга в смущении, которое сильнее всяких слов.

— У вас есть радио? — спрашивает Султан.

— Был приемник, но... Мы его отдали соседям.

— Понятно,— кивает Султан и думает о том, как, видно, трудно приходится этой семье.— Мы поставим вам радиотрансляционную точку,— говорит он.— У нас в этом квартале будет установлено двести восемь радиотрансляционных точек. Недавно мы получили проводку.

Он мельком взглядывает на Турсуной. Ее губы скривились, а лицо стало насмешливым. Да, она уже девушка. И этот парень ей нравится. Иначе бы она не сказала:

— Да, это очень хорошо, что вы получили проводку. Значит, сколько у вас будет установлено радиотрансляционных точек?

— Двести восемь,— повторяет Султан краснея.

Потом уже отойдя, Турсуной мягко спрашивает:

— Вы давно знаете Дильбар?

— Я?.. Дильбар?..

— Спасибо за помощь,— говорит Турсуной и закрывает калитку перед его носом. А Султан стоит перед калиткой, и ему не хочется уходить.

Ашур Бакиров

... А теперь я расскажу про тракториста Ашура Бакирова. Вы его уже знаете. Это с ним разговаривала на поле Турсуной.

Некоторые думали, что он ушел из колхоза потому, что поехал вслед за любимой девушкой. Когда о нем вспоминали, старики говорили, что любовь — это безумие, напасть, и человек, не переживший ее, этого понять не может. Старики считали, что эта причина вполне объясняла, почему Ашур Бакиров внезапно оставил свою кибитку и уехал в Мирзачуль.

Но любовь была совсем не единственной причиной. И прежде чем объяснить вторую и, как нам кажется, главную, нужно хоть немного рассказать о самом Ашуре.

Вот он, этот худощавый, узколицый человек, с длинным тонким носом, острым подбородком, тонкими насмешливыми губами, человек, который сначала помолчит, а потом скажет ясно, прямо и всегда немного грубовато; Ашур всегда, может быть, излишне прямолинеен в своих суждениях и резковат. Некоторые объясняют это его трудной судьбой, но, я думаю, это — свойство характера.

Его отец погиб в первый год войны, а мать, семнадцать раз родившая и шестнадцать раз хоронившая своих детей, наконец вырастила сына. Когда началась война, Ашуру было шестнадцать лет, он кончал семилетку и уже умел управлять трактором. Ашур всегда был заводилой в школьных играх и драках, он всегда попадался первый и никогда не боялся прямо и честно обо всем рассказать директору школы — да, они играли в футбол, и мяч нечаянно ударился в стекло и, конечно, разбил его. Кто это сделал? Неважно кто. Считайте, что это сделал он, Ашур.

После окончания школы Бакиров ушел трактористом в МТС, где работал каждое лето то слесарем, то плотником, то маляром. Он умел делать все.

Он работал и трактористом в этом же колхозе, и работал хорошо. Но однажды произошел вот какой случай. Он приехал в бригаду, чтобы начать механическое прореживание. Это было новшеством. Бригадир полеводческой бригады, выслушав его, сказал, что бригада будет прореживать посевы вручную.

— А как же договор МТС с колхозом? А как же план?

Бригадир полеводческой бригады вынул блокнот и написал, что культивация произведена и работа принята.

— Тебе ясно?— сказал он.— Работа принята, культивировать поле не надо. Ты уже выполнил и перевыполнил план. Поезжай в другую бригаду. Только советую: слей куда-нибудь горючее...

Бригадир полеводческой бригады плохо знал Ашура Бакирова. Разразился страшный скандал. В полеводческую бригаду сначала приехал директор МТС, потом секретарь райкома, а на следующий день Ашур Бакиров произвел культивацию.

После этого работать с бригадиром полеводческой бригады стало трудно, и Ашур перешел в МТС, а однажды, ничего не говоря директору, уехал в Мирзачуль. Он тогда жил уже один в своей кибитке — мать умерла незадолго до конца войны. К своему хозяйству он относился безразлично. Да хозяйства, собственно, и не было: пустой двор, несколько кустиков, кибитка, которую давно нужно было перестроить...

Бакирова называли человеком со странностями. Со всеми он умудрился поссориться, особенно с двумя бригадирами тракторных бригад, которые, по его словам, не выполняли графика текущего ремонта тракторов.

Что же касается девушки, она действительно уехала в Мирзачуль со своими родителями. Ашур думал о девушке, о свадьбе, но карман у него был пуст. Разве тех денег, которые у него остались, хватит на свадьбу? Их едва ли хватит на то, чтобы подарить невесте шелковое платье. А вдруг она скажет: будь здоров, милый женишок, проваливай-ка отсюда. Но неужели так может сказать Шахриниса?

Нет, конечно, она этого не сказала. Она чувствовала то же, что и он. Есть узбекская пословица: «От жены зависит все — и жизнь и смерть мужа». Понимать эту пословицу надо так: если жена хорошая то и муж будет хорош. Шахриниса оказалась именно такой женой. Как только была закончена уборка, сыграли свадьбу.

Жизнь Ашура внезапно переменилась. Он стал в МТС одним из лучших трактористов, его фотографию не снимали с Доски почета. Он понял, что теперь есть верный кусок хлеба, ибо будущее принадлежит машине.

И все-таки Бакиров не успокоился. Его тянуло в родные места. Зимой он получил отпуск, приехал домой и стал ремонтировать кибитку. Возвратившись в Мирзачуль, Ашул подал заявление директору МТС с просьбой отпустить его.

Вы представляете, что сказал Ашуру Бакирову директор МТС?

— Это вы очень хорошо делаете, дорогой товарищ,— сказал директор,— у вас оказалась хорошая память и чистая совесть. Вспомните: когда вы пришли к нам, кроме тридцати двух зубов во рту, у вас ничего не было, а теперь вы один из лучших трактористов. Вы думаете, это только ваша заслуга. Но вспомните, сколько раз мы помогали вам. Да и денег, как я понимаю, у вас стало значительно больше...

... Да, это был неприятный разговор, но Ашура уговорить не так легко. Несколько дней спустя Ашур и Шахриниса поехали домой.

Колхоз стал лучше. Появились новые широкие улицы. За высокими тополями рядами стояли новые дома, на широкой площади, рядом с артезианом, был разбит цветник, а из репродуктора на высоком столбе день и ночь лилась музыка.

А вскоре и в доме Ашура звенел новый голос. Это очень радовало молодых отца и мать.

Вот примерно в это время и познакомилась с Ашуром Турсуной.

...Как-то в поле пришел бригадир Юсуфали Ахмедов.

— Надо выделить одного человека на трактор,— сказал бригадир,— воду возить. Кто желает?

— Ха-ха,— фыркнула Мингсулув,— водовозом — что за работа!

— Может, Турсуной желает? — спросила Дильбар.

— Что же, я могу,— ответила Турсуной,— почему бы и не пойти водовозом, тем более что трактор меня интересует.

— Ах, ее интересует трактор,— иронически заметила Дильбар.

— Нечего смеяться,— оборвал девушек бригадир,— раз она желает, пусть идет. Завтра выходи на работу.

...Возить воду надо на лошади, а для этого надо уметь ее запрячь. Случилось так, что первым человеком, который помог Турсуной перепрячь лошадь, был все тот же Ашур Бакиров. Он, правда, с удивлением посмотрел на девушку, когда та сообщила, что ее выделили в тракторную бригаду водовозом. Это совсем не легкая работа. Вода нужна не только машинам, но и людям. Кроме того, нужно привозить запасные части, масло. Когда есть время, нужно заменять прицепщика.

— Эх, жалко, ты не парень. Уж очень маленькая, хрупкая. Будь ты мальчишкой, пожалуй, я взял бы тебя в ученики.

— Какая разница, парень или не парень? — вполне резонно спрашивала Турсуной.

— Не женское это дело.

— А поливать разве легко? — спрашивала Турсуной.— А с кетменем работать в поле? А собирать хлопок?

...Началась уборка. Трактористы косили люцерну и кукурузу на силос. На хлопковых полях появились сборщицы. А Турсуной целый день носилась по полям. Воды не хватало, нужно было привезти ее и к машинам, и на полеводческий стан, и людям, работающим в поле; нужна была вкусная, холодная вода, за которой приходилось ездить далеко, к роднику.

Тысячи людей приходили на хлопковые поля, чтобы руками собирать хлопок, хлопкоуборочные машины стояли в парках МТС. С некоторых даже были сняты моторы. Люди говорили, что эти машины никуда не годятся, что их колеса губят хлопок, выращенный с таким трудом. Другие говорили, что они мнут еще не раскрывшиеся коробочки. Третьи утверждали, что они оставляют много хлопка на земле и потом приходится собирать его. Все это было и справедливо и несправедливо. Так можно сказать о любой машине. Ведь и для автомобиля нужна дорога, а для хлопкоуборочной машины — подготовленное поле с ровными рядками и многое другое, необходимое для правильной работы.

И было понятно, почему Ашур Бакиров защищает хлопкоуборочную машину. Он говорил о том, что машины есть для всего на свете. Есть машины, которые копают картошку, теребят лен, высаживают в воду рис; есть и машина, которая убирает хлопок.

А старик сторож стоял на своем:

— Разве мы полетим на самолете, который падает на землю, разве мы поплывем на лодке, в которой много щелей? Зачем нам машина, которая на поле оставляет хлопок.

— Но до войны у нас работали хлопкоуборочные машины, вы же помните об этом, отец,— не унимался Бакиров.

— Я многое помню,— уклончиво отвечал старик.

Турсуной внимательно прислушивалась к этому разговору. Через несколько дней она вспомнила его.

Она и ее подруги — Дильбар, Мубарак, Мингсулув — сидели на диване в комнате секретаря партийного бюро МТС Халила Турсунова. Он сказал, что МТС решила послать девушек на курсы водителей хлопкоуборочных машин.

— Срок обучения всего один год. Время пройдет быстро. Вы, наверное, знаете, что решил сентябрьский Пленум Центрального Комитета партии?

— Надо поговорить с отцом,— сказала Дильбар.

— Да, да, надо поговорить с отцом,— повторила Мубарак.

— А ты, Турсуной? — спросила Дильбар.

— Я поеду на курсы,— ответила Турсуной.

— А вы? — спросил секретарь партийного бюро, обращаясь к Мингсулув.

— Как все, так и я.

— Мы поговорим с вашими родителями. Я думаю, что все будет хорошо. Они согласятся. Мы хотим, чтобы вы помогли нам произвести революцию в уборке хлопка.

— Революцию? — засмеялась Дильбар.

— Вы не смейтесь,— с укором заметил секретарь партийного бюро.

— Запишите меня,— сказала Турсуной.

Дорога

Пусть трудным кажется новое для человека, который впервые сталкивается с ним. Ему кажется, что он первый вступает на этот путь. Но это не совсем так. Уже кто-то раньше, думая о нашем будущем, прокладывал дорогу к новому.

Пусть завод выпускает еще несовершенные хлопкоуборочные машины, но вот открыты курсы водителей этих машин, и таких курсов много. Это — предначертание партии, это пря-

мая дорога к комплексной механизации всего нашего сельского хозяйства.

...Четверо девушек жили в небольшой комнате. Подруги Турсуной были старше ее, и неудивительно, что вечерами, когда выключали свет, начинались разговоры, которые обычно ведут девушки, когда приходит им пора выходить замуж. Но Турсуной еще не думала об этом. И хотя разговоры о юношах, с которыми встречались ее подруги, напоминали ей первую встречу с Султаном, она не вступала в разговор.

Над кроватью Дильбар висело множество открыток, а на тумбочке лежал альбом. Туда Дильбар тщательно записывала понравившиеся ей стихи и песни.

Мубарак почти каждый день ходила в кино. Мингсулув писала письма домой. Она писала подолгу, обдумывая каждое слово, подробно рассказывала о том, что произошло за день.

Турсуной редко писала письма, а в ее тумбочке были только учебники. Она не собирала открыток, не записывала стихи в альбом, нечасто бывала в кино. Только учебники. Я думаю: откуда такая целеустремленность? Не приводит ли она к известной ограниченности? Зачем искусственно лишать себя всего, что дает жизнь? Но, думая так о Турсуной, я невольно вспоминаю: таких людей, подчинивших свою жизнь идее, было много, — они делали революцию, воевали с басмачами, с баями, строили колхозы...

А ведь Турсуной тоже очень поверила в революционную идею хлопкоуборочной машины.

Все это совсем не значит, что для Турсуной не шелестели тополя над арыком, не звучала музыка, доносившаяся с танцевальной площадки, не светила яркая луна, пробуждая мысли о доме. Ей казалось, что сердце ее стучит ровно, спокойно, и она только прислушивается к нему, ожидая. Было ли это только ожидание любви? Нет, больше, — жажда деятельности. Так медленно натягивается пружина, накапливая силу для удара.

Я хочу заступиться за подруг Турсуной. Еще учась на курсах, они вышли замуж за очень хороших, трудолюбивых парней — трактористов и механиков. Правда, вскоре после окончания курсов Мубарак и Мингсулув уже не смогли работать на машинах, — они были заняты своими семейными делами. С Дильбар это случилось немного позже.

...Когда Турсуной пришла в МТС после окончания курсов, директор Александр Васильевич Коломейцев посмотрел не нее так же, как когда-то Ашур Бакиров. Небольшого роста, хруп-

кая, на вид еще девочка, Турсуной никак не походила на механика-водителя большой-большой и сложной машины.

— Если бы мальчишка — другое дело,— сказал задумчиво директор МТС.

— Опять? Все об одном и том же.

— Ага, значит, это для тебя не ново... Ну что ж, пока назначу тебя на должность слесаря.

— А готовы площади, выделенные для машинной уборки? — спросила Турсуной.

Директор нахмурился:

— Собственно говоря, кое-где такие площади есть, но в общем все зависит от вас самих, от водителей. А сейчас пойдем в мастерскую.

В мастерской Турсуной была выделена хлопкоуборочная машина типа «СХМ—48М. Машина давно не была в работе и, конечно, требовала ремонта. Этим и занялся новый слесарь машинно-тракторной станции.

... В один из сентябрьских дней на главной улице Чиназа появилась хлопкоуборочная машина. В этом ничего удивительного не было, и все-таки все вокруг обратили на нее внимание. Шел старик, за ним — его жена. Старик остановился, обернулся к жене и что-то сказал... Парни, стоявшие у магазина, взглянули на машину и засмеялись. Один что-то громко крикнул. Из столовой вышел буфетчик и тоже засмеялся.

Что же так удивило людей? Оказывается, одежда механика-водителя. За штурвалом сидела Турсуной, на ней были комбинезон и светлая куртка. Она знала, что смеются над ней, над тем, что узбекская девушка одета не так, как принято. Вот такие еще есть у нас в кишлаках странные взгляды и глупые предрассудки. Любого старика теперь не удивишь реактивным самолетом, любой будет с интересом смотреть на небо, которое бороздит советский спутник. К этому у нас привыкают быстро, а вот рабочий комбинезон на девушке — к этому еще не привыкли.

«Фу, какая гадость,— сказал, наверное, старик своей жене.— Можно себе представить, что это за девушка, которая ходит в такой одежде». А жена, наверно, ответила мужу: «Такая, конечно, не найдет себе жениха. Кто возьмет ее себе в дом?»

Тунсуной очень хорошо знала, что о ней говорят. Ведь и ее мать, старая Башарат, увидев однажды дочь в комбинезоне, горестно покачала головой, а на глазах у нее показались слезы. Да, да, все это совсем не просто. Может быть, Турсуной легче было овладеть машиной и отрегулировать ее, чем перед всеми людьми показаться в таком виде.

Никто не знал, как ей было трудно. Никто, кроме матери, не слышал, как она плакала по ночам.

Все над ней смеются. Может быть, бросить машину, может быть, снова пойти работать в колхоз? И эти мысли возникали у нее.

Но вот она все же ведет по главной улице Чиназа хлопкоуборочную машину. Она старается не обращать внимания на прохожих, она ведет свою машину на колхозное поле. Вслед бежит стайка мальчишек,— их интересует не Турсуной, а ее машина. А Турсуной еще не знает, что ждет ее в колхозе, в бригаде Юсуфали Ахмедова.

Наступило время рассказать и об этом бригадире. Задолго до объединения колхоза Юсуфали был парторгом маленькой артели, в которой едва ли было полтораста гектаров хлопчатника. И об этом времени Юсуфали вспоминает как о самой лучшей поре своей жизни. Этот честный, немного наивный человек, сын, внук и правнук хлопкоробов, тогда почувствовал себя очень важным лицом.

Он стал заместителем председателя колхоза. Когда же его небольшой колхоз объединили с другими такими же, его назначили бригадиром. Бригада Ахмедова стала одной из лучших. Вы посмотрите, какой у него хороший полевой стан, какая прозрачная вода в пруду, откуда черпают воду для чая.

Незадолго до приезда Турсуной, на участок Юсуфали Ахмедова приехал на мотоцикле механик-водитель Ашур Бакиров. Он тоже побывал на курсах механиков по хлопкоуборочным машинам. Вместе с бригадиром они обошли поле: и Ашур, хорошо знавший Юсуфали Ахмедова, сказал:

— Партия и правительство требуют, чтобы на твоем поле началась уборка хлопка машиной.

И хотя Юсуфали вовсе этого не хотел, потому что его бригада собирала высокий урожай, а он боялся, что машина будет убирать хлопок с потерями, хотя он всячески пытался убедить Ашура, что его поле не подготовлено для машинной уборки — вон у соседа оно ровное,— все-таки ему пришлось согласиться.

Потом на полевой стан приехали директор МТС и несколько слесарей, молодых парней, которые работали вместе с Турсуной в МТС. Юсуфали всех угощал чаем и два раза посылал за свежими лепешками. И ему вновь вспомнилось, как он был парторгом колхоза, как выступал на районных, а один раз даже на областной партийной конференциях. Внимание многих людей было ему приятно, и поэтому, когда Турсуной подвела свою машину к полевому стану, Юсуфали первый встретил ее и сказал:

— Мы выделили тебе двадцать гектаров земли, покажи свое умение, дочь моя.— И радушным жестом пригласил ее к дастархану, за которым пили чай одни мужчины — директор МТС, механик по хлопкоуборочным машинам, слесари, табельщики, арбакеш и старики поливальщики.

Турсуной не знала, что ей делать. Потом ее окружили колхозники и стали расспрашивать о машине. А один поливальщик сказал ей, чтобы она не волновалась, потому что настоящий лекарь только тогда лекарь, когда сам переболеет. И все-таки на лицах многих колхозниц, которым Турсуной не раз приходила на помощь, она видела недоверие. Почему? Боялись ли они за нее или за машину или им было жалко своего труда — ведь они все лето работали на жаре, ухаживая за хлопчатником.

После чая и многих слов, которые следовало бы, пожалуй, сказать не в начале, а в конце уборки, Ашур Бакиров предложил Турсуной обойти поле.

— Карта, конечно, не такая ровная, как хотелось бы,— говорил он.— Ты давай все посмотри, а то завалишься в борозде. Да листья еще не все опали. И смотри: заведи машину в поле и никуда не уходи, в поле и спи,— мало ли что может быть, придут ночью и начнут убирать руками. Такие случаи бывали. Что с тобой? Ты нездорова?

Но Турсуной увидела: поле к уборке действительно было не подготовлено. Оно действительно было неровное. Значит, где-то колеса ее машины подомнут кусты, где-то открывшиеся коробочки не попадут в рабочие органы, и все будут говорить, что машина плохая или что механик-водитель не умеет работать — вот, мол, посадили девчонку...

Она очень волновалась и вечером не могла завести машину, а Ашура поблизости не было. Тогда она села за штурвал, вынула книгу и стала читать. И когда подошел Ашур, он увидел, что все лицо ее в слезах, и понял, что произошло.

— Ты какую книгу читаешь? — крикнул он.— Наверное, про любовь?

Турсуной кивнула головой, хотя это был учебник.

Когда машина вышла в поле, становясь в борозду, она наехала колесом на широко распустившийся куст хлопчатника. Сзади в толпе кто-то ахнул, но Турсуной поставила машину между рядками, тронула ее с места. Бункер стал быстро наполняться хлопком. Турсуной доехала до конца поля, остановила машину и увидела, что толпа идет за ней и лица у всех серьезные и сосредоточенные. Они видели, что машина оставляет хлопок в коробочках: вот тебе и хлопкоуборочная машина. Они не обращали внимания на то, что бункер хорошо наполня-

ется волокном. Для них главное было, чтобы не оставалось волокно, а машина этого не делала, машина работала иначе. Когда директор МТС объяснил, что машина собирает лишь спелый и сухой хлопок, а только что раскрывшиеся коробочки еще не готовы для уборки, люди отнеслись к этому недоверчиво. Им трудно было поверить, что машина умнее человека.

А Турсуной между тем повернула машину и повела ее назад. И люди, дошедшие до конца поля, посмотрели на рядки, которые только что убрала Турсуной, и увидели, что машина все-таки кое-чего стоит.

Когда бункер был заполнен, Турсуной подъехала к площадке, где стояли весы, и погрузила хлопок. Люди улыбнулись: не надо выбирать волокно из фартука, перекладывать его в общую кучу, оттуда в мешки, потом нести к весам... Машина все это делает проще и быстрее.

Несколько часов под палящим солнцем ходили люди следом за машиной. Они все еще не совсем поверили в нее, многое им еще не нравилось.

А на следующий день пошел дождь. Весь этот сезон работать пришлось мало. Но Турсуной все-таки собрала тридцать тонн хлопка, а потом работала на куракоуборочной машине. Она научилась спорить с бригадиром, когда вовремя не подвозили курак, воду или горючее.

...На следующий год, осенью, Турсуной привела свою машину на хлопкоуборочное поле. Она оставила ее и ушла спать на бригадный стан.

Утром все поле было залито водой.

Кто это сделал?..

Икрам Джалилов

— Кто это сделал? Кто допустил? — сердился председатель колхоза. Он строго глядел на бригадира Юсуфали Ахмедова.— Вы понимаете, что вы натворили?!

Бригадир и табельщик, стоявшие рядом, не смотрели ему в глаза. А председатель все больше распалялся.

— Вы понимаете, что вы сорвали машинную уборку? Пока машина будет бездействовать, хлопок начнет осыпаться, его придется убирать руками. Безобразие! — возмущался он.

Бригадир и табельщик, понурив головы, молча рассматривали носки своих сапог.

Приходится рассказать еще об одном человеке — председателе колхоза Икраме Джалилове.

Редко кто видел, чтобы он волновался, этот высокий, худощавый человек. И только когда он волновался, он снимал

тюбетейку, и на его бритой загорелой голове открывался белый круг, с которого он цветастым платком стирал пот. Вот и сейчас, увидев подъехавшего на машине Ашура, он снял тюбетейку и стал вытирать пот. Он знал, что вслед за Ашуром придут директор МТС, секретарь райкома. Но делать нечего — машинная уборка на участке Юсуфали сорвана, а другие поля совершенно не подготовлены. Может быть, в каком-нибудь соседнем колхозе найдется подходящее поле? Ему больно смотреть, как переживает девушка, ему очень жалко ее.

— Это вы все сделали, вы! — сказал председателю Ашур. Он дрожал от гнева.

— Я? — спокойно переспросил Джалилов.— Я? — И вдруг закричал, видно, не выдержал:— Ты ответишь мне за эти слова! Ты... ты сам негодяй! Ты у меня попомнишь! — И вдруг добавил совершенно спокойно:— Вы ошибаетесь, товарищ Бакиров.

Ашур удивленно оглянулся — и все понял. К ним приближался директор МТС. И уже ему сказал председатель колхоза:

— Какая неприятность, люди недопоняли и...— он в растерянности развел руками.

...Икрам Джалилов — местный житель, его все знают. Еще в тридцатых годах он был бригадиром, потом председателем колхоза. Было это тогда, когда на том месте, где сейчас хлопковое поле, росли только туги.

Туги нужно было косить, а потом пахать землю, пахать днем и ночью, потому что времени для сева оставалось мало. А трактор пришел без фар. Икрам Джалилов смешивал землю с керосином, клал массу в жестяную банку, приделанную к палке, и освещал путь трактору. А потом кетменями рыли арыки и на новой земле сеяли хлопок. Урожай, конечно, был не такой, как сейчас,— собирали вдвое, а то и втрое меньше. И машин, конечно, не было, был только кетмень.

И сейчас Джалилов не понимает, как можно работать без кетменя, а если и понимает, представить себе не может. Кетмень кормил сотни поколений, и если уж говорить честно, ему место не на свалке, а на почетном стенде в музее.

В самом конце войны колхоз получил новый гусеничный трактор «СТЗ-НАТИ». Это было большое торжество. Все поздравляли Джалилова, потому что знали: он достал для колхоза машину. Нужно было поднимать новые земли, расчищать последние туги.

Джалилов предложил на распаханных клочках земли посеять хлопок. В том году колхоз занял по урожайности первое место в районе и второе место в области. На участке одной бригады получили по тридцать центнеров с гектара,

в 1949 году было собрано по сорок одному центнеру на площади в сто пятьдесят гектаров и двенадцать человек были награждены орденами и медалями.

А потом колхоз был укрупнен. Сначала Джалилова избрали заместителем председателя, но через некоторое время колхозники на общем собрании выбрали его председателем. «Он хорошо знает дело»,— сказали они. И снова был получен высокий урожай, и много денег получили колхозники на трудодни.

Вот каким человеком был Икрам Джалилов.

Почему же он помешал Турсуной убирать хлопок машиной? Почему ей пришлось переехать в другой колхоз?

Я думаю, потому, что все достижения артели Джалилов склонен был приписывать одному себе. Страна вооружила колхозы техникой, специалистами — агрономами, зоотехниками. Колхозники охотнее стали работать на полях. Но Джалилов об этом не думал. «Мой колхоз»,— любил говорить он.

Кроме того, Джалилов был очень властолюбивым человеком. Он любил, чтобы люди слушали каждое его слово и делали в точности только то, что он хочет.

Я знаю многих председателей колхозов, и некоторые, из них точь-в-точь такие же, как Джалилов. Если сделаешь все так, как он прикажет,— будет хорошо, а если нет... добра не жди. На каждом шагу окажутся трудности.

И еще о председателях колхозов. Ответственность на них ложится большая, слов нет: тысячи людей, сотни машин, и хлопок, и животноводство, и сады и севооборот, и многое другое. Но посмотрите, как живут иные председатели колхозов. Вы посмотрите, какой дом у него и какой сад. Какие должности, какие дома занимают его родственники. Посмотрите, что за хозяин он, когда к нему приезжают гости, какие угощения и какие вина выставляются на стол... Попробуйте подсчитать суммы, которые тратятся на пиршества по самым разным случаям. Все это делается с разрешения правления колхоза, с разрешения колхозников, равноправных пайщиков артели? Нет, это делается самолично председателем, и почему-то не находится человека, который бы указал ему на то, что он часто сам нарушает устав.

И что скрывать, секретари райкомов и председатели райисполкомов как-то сквозь пальцы смотрят на все эти вещи. Как будто бы дело только в том, чтобы колхоз выполнял годовой план. Как будто неважно, что на должность председателя (сейчас, к счастью, все реже и реже) попадают жулики, окружающие себя подхалимами.

... Я был на заседании правления, где обсуждался «вопрос об антимеханизаторских настроениях».

Икрам Джалилов снял тюбетейку, вытер пот и сказал, что в бригаде «неизвестные злоумышленники» пустили воду на поле.

— Так это было? — строго спросил он бригадира.

— Так, худжаин[1], так.

— Есть предложение строго наказать бригадира,— продолжал Джалилов.— Это дело государственное...

— В первый раз... Мы же не знали,— оправдывался бригадир.

— Молчать! — крикнул Джалилов.— Безобразие: «Мы не знали...»

— Хоп, худжаин, хоп,— умиротворяюще произнес бригадир.

— Какое есть предложение? — спросил Джалилов и сам ответил, обращаясь к секретарю:— За срыв механизации... — он задумался,— считать бригадира антимеханизатором. Второе. В случае повторения будут приняты более строгие меры. Понял?

— Понял, худжаин.

— Какие есть еще вопросы? — спросил Джалилов и, наклонясь к секретарю, сказал:— Сейчас же протокол доставить в райком.

Потом поднялся заместитель председателя по животноводству. Сказал, что надо оформить постановлением правления колхоза акты купли на колхозном рынке недостающего количества скота. Он перечислил: коров столько-то, баранов столько-то...

— Неправильно,— сказал Джалилов, искоса поглядывая на меня.— Надо, чтобы росло свое стадо... А то за счет прибылей от хлопка покрываем убытки в животноводстве. Это неправильно.

Правление колхоза единогласно утвердило акты.

Мы еще поговорим о Джалилове, который факт существования в «его» колхозе Турсуной Ахуновой, человека с мировой славой, принимает как личное оскорбление. Теперь он уже знает, что с ней он ничего не сделает,— вот это-то и бесит Джалилова. Дескать, девчонка, а все ей — и почет, и слава, и оказывается, что большинство колхозников за нее, за Турсуной, а это часто значит, что они — против него: на собра-

---

[1] Худжаин — искаженное слово «хозяин». Так в наших артелях еще кое-где именуют председателей (примечание автора).

ниях стали резко критиковать правление колхоза, в случае какой обиды идут к Турсуной и вместе с ней могут поехать в райком, в обком, в ЦК... Это тоже очень уязвляет председателя колхоза.

...Бывает, всем хорош человек, ничего про него худого не скажешь: и в семье все в порядке, и работает хорошо,— но уж очень ершист. Вот как Турсуной. И тогда такой Джалилов находит «словечко»: зазнается.

Так оно и прилипает к человеку.

Я сказал о Джалилове то, что думаю о нем.

Нужно сказать, что партийные работники хорошо и умно поставили Джалилова на место. Но об этом я скажу немного позже. А в тот год, когда произошло первое столкновение Джалилова с Турсуной, ей пришлось переехать в другой колхоз. Она убирала хлопок в бригаде Бориса Кима и убрала девяносто тонн. За эту работу она была награждена орденом Трудового Красного Знамени и почетными грамотами обкома партии и ЦК комсомола республики.

Поздней осенью, когда она уже уезжала, колхозники пригласили ее и на следующей год на уборку. Но она решила убирать в будущем году только в своем колхозе, вопреки Джалилову.

Султанджан

Даже у человека очень занятого, целиком увлеченного своими делами, появляются порой совсем «неделовые» мысли.

Солнце садилось. Турсуной была одна в поле на своей хлопкоуборочной машине.

Она вытащила учебник, где лежала газетная вырезка, и стала читать о новой машине: самоходной, двухрядной, с пятнадцатью шпиндельными рабочими органами, с пневматическим подборщиком. Машина «ХВС-1, 2» ее очень интересовала. Она знала, что ей предстоит изучать ее на двухмесячных курсах, а потом, в будущем году, работать на ней.

«Было бы очень хорошо,— думала девушка,— если бы сейчас на этом поле появился человек и помог бы мне, и хорошо бы этим человеком был Султанджан». И, произнося про себя это имя, Турсуной призналась себе в том, что стала часто думать о Султане после того, как он помог ей донести до дому муку. Почему же он больше не появлялся? Может быть, он обиделся на нее?

Так думала Турсуной или иначе, но она чувствовала,

что в ее сердце проник «недуг», который всегда бывает неожиданным и незваным.

...А в то же время или, пожалуй, немного раньше к знакомой читателю калитке подошел монтер с тяжелой сумкой и мотком проволоки.

Кто не знает, как держатся иные монтеры, появляющиеся в наших домах! Они словно не замечают людей, которых пришли облагодетельствовать, громко стучатся в калитку или входную дверь, спрашивают, нет ли собаки, просят подать им то лестницу, то миску, чтобы развести алебастр, и все это так, словно хозяева им чем-то обязаны.

Монтер, который подошел к калитке дома, в котором жила Турсуной, вел себя иначе. Он постучал осторожно и, когда ему отворила мать Турсуной Башарат, робко произнес:

— Радиоточка.

— Ну что ж,— и Башарат впустила монтера во двор. Тот огляделся, опустил на землю сумку и начал работать.

Но мать есть мать, и глаза ее подчас видят меньше, чем чувствует сердце. А тут и глаза матери запомнили больше, чем этого хотелось бы монтеру.

— Ваше лицо мне знакомо,— сказала Башарат,— не вы ли тот, кто однажды помог моей дочери принести мешок муки?

— Собственно говоря, у меня сегодня выходной,— сказал монтер.

— Какое отношение это имеет к моему вопросу?— спросила Башарат.

— То есть наоборот, у меня монтеры выходные, и мне пришлось самому...— сказал он.

— Значит, вы не монтер? — продолжала допрашивать Башарат.

— Я заведую конторой связи. Вы, наверное, знаете моего отца, он служит в Райшелке. А я окончил техникум связи в Ташкенте и недавно курсы усовершенствования радиотехников...

— Вы всем так подробно рассказываете свою жизнь? — улыбнулась Башарат.

Через час работа была закончена, и Султанджан попрощался с хозяйкой дома.

— Вы сейчас, наверно, пойдете к соседям? — спросила она.

— Да, конечно...— ответил Султанджан.— Собственно говоря, я зайду к ним потом. Жарко, я устал...

...А спустя некоторое время на поле, где стояла машина Турсуной, появился тот, кого она ждала. Он еще издалека увидел машину, стоящую поперек рядов хлопчатника, и уско-

рил шаги. Но Турсуной была занята мыслями или чтением и сразу его не заметила.

Да, машина вышла из борозды и встала поперек рядков. Это случилось не впервые. Когда бункер переполнялся хлопком, из-за тяжести машина теряла устойчивость и выходила из рядков. Для того чтобы поставить ее на прежнее место в междурядья, нужно было освободить бункер от хлопка, а этого одна девушка сделать не могла. Обычно в таких случаях она обращалась за помощью к парням, работающим где-нибудь вблизи, но сейчас никого вокруг не было. Люди ушли с полей, а солнце спускалось за горизонт.

Внезапно Турсуной услышала приветственное пожелание:

— Не уставайте!

Она оглянулась и увидела Султанджана.

— О, это вы! — воскликнула она.

Султан помедлил и спросил совсем не то, что хотел спросить:

— А вы ждали кого-нибудь другого?

Нет, конечно, она ждала только его, но разве она могла сказать об этом? Она обошла машину и попыталась приподнять рабочий аппарат, чтобы освободить бункер. При этом она оглянулась и любезно спросила Султана:

— Каким ветром вас занесло сюда?

— Конечно, вашим ветром,— быстро ответил Султан.

— Напрасно вы приписываете ему такую силу. Я думаю, его у меня нет и не было.— Она взглянула на парня, и ей показалось, что он может сейчас уйти. Тогда она улыбнулась и заметила:— Оказывается, мой ветер до того сильный, что может привести ко мне такого человека, как вы. Но обратите внимание: сейчас солнце заходит, и все ветры слабеют.

Наконец у Султана появилась возможность сказать возвышенные слова:

— Ваш ветер для меня сильнее бури, а по нежности он равен легкому зефиру, ведь он мне приносит отраду. Пусть же не огорчает вас мой приход при закате солнца. Меня привела сюда луна, которая будет светить все ярче.

— Если вас не остановить, вы начнете говорить о звездах, при свете которых вы видите лучше, чем при свете солнца.

— Позвольте, я отвечу вам стихами,— сказал Султан.— Если ты не смог увидеть свою возлюбленную, значит, ничего не видят твои глаза!

Продолжать разговор Турсуной сочла неудобным и поэтому холодно сказала:

— Лучше помогите мне, у меня ничего не выходит.

И Султан вынужден был заняться рабочим аппаратом.

Правда, покончив с ним, он позволил себе прочитать стихи мудрого Мукими о жестокой судьбе обманутых в любви. Турсуной не отвечала ему стихами. Она пыталась перевести разговор на другую тему.

Прошло несколько дней. Уборка хлопка закончилась. Проезжая на велосипеде мимо МТС, Султан зашел в контору напиться воды. Он спросил у телефонистки, нет ли новостей.

— Особых нет,— ответила девушка.— Вот были две путевки. Дирекция премировала механиков-водителей.

— Кого?

— Ибрагима Ганиева и Турсуной Ахунову.

— А куда путевки? — спросил Султан.

— В Индию. Поехали на две недели. А когда вернутся, поедут на курсы. Да что вы так удивляетесь, товарищ Ширматов? — спросила телефонистка.— У нас скоро поедут в Чехословакию, и в Венгрию...

Султан растерялся. Значит, Турсуной уехала, а он об этом ничего не знал, и она ни слова не сказала на прощание и не написала ему. Значит, он ей безразличен.. Он невидящими глазами смотрел на телефонистку, а она повторяла:

— Вы что, не верите? Честное слово, уехали в Индию. Это ведь теперь что? Несколько часов на самолете — и там. Да чего вы удивляетесь, товарищ Ширматов?..

В Индии

(Из тетради)

...Станция Чоп. Пересаживаемся в поезд, идущий в Прагу. Какие красивые места, горы, одетые лесом, лес в ущельях. Мосты высокие, смотреть вниз очень страшно, словно не едешь по рельсам, а летишь по воздуху над рекой.

Мы изучаем маршрут. Анатолий Иванович рассказывает, что Бомбей второй по величине город, это порт Индии. Он расположен на небольшом островке, соединенном дамбами и мостом с материком. Сначала был захвачен португальцами, там был форт, вокруг него потом возник город. Триста лет назад Бомбей перешел к англичанам. Это было приданое португальской принцессы Екатерины, которая вышла замуж за английского короля Карла Второго.

Как это можно дарить города вместе с домами, вместе с людьми?

Все наши туристы очень удивляются.

...Мы живем в гостинице «Прага». Ночью город очень красив. На самом верху, на горе, как московский Кремль, Градчаны.

...Летим индийским самолетом на Бомбей через Рим, над Альпами. Снега, снега — словно хлопковые хирманы.

...Ночью были в Бейруте. Встретили несколько арабов, хотели с ними поговорить, но я поняла только отдельные слова.

...Бомбей. Писать совершенно некогда, девочки говорят: туши свет, а мне хочется записать и о висячих садах и о Башне молчания. Там могилы умерших персов.

Смотрели ворота Индии, в которые, как говорят индийцы, вошел первый и вышел последний английский солдат.

С какой ненавистью индийцы говорят об англичанах!

...Летели над Персидским заливом и над пустыней. Пустыню можно превратить в поля, нужна только вода. Вода — в руках отдельных капиталистов и компаний.

...Были в пещерах, там несколько храмов и монастырей, которым больше двух тысяч лет.

Еще во втором веке до нашей эры буддийские монахи стали вырубать в скалах храмы и монастыри. Расписывали стены замечательными фресками и украшали скульптурами. Много изображений Будды и животных.

Писать совершенно некогда, каждый день посещаем новые пещеры и дворцы. Были и в городе Майсор, названном именем богини Чуманди. Там есть храм Чуманди. Очень красивы фонтаны, особенно ночью, кажется, как будто это сказка из «Тысячи и одной ночи».

...Однажды мы ехали по дороге. Жара. Такая жара, что даже птицы не летают. Мы остановились на краю поля, крестьянин пахал землю, другой жал хлеб, третий сеял рис... В Индии собирают в год несколько урожаев, нужны лишь руки. Все крестьяне работают полуголые, все они очень худые.

Мы подошли к одному крестьянину, который казался настоящей мумией. Но это был старик с седыми волосами и с седой длинной бородой. На меже сидел мальчик лет пяти. Старик шел за омачом, покрикивая на вола...

Я попросила переводчика подойти к старику.

— Валейкум ассалам, дочь моя!

— Не утомляйтесь!

— Салам тебе, дочь моя. Вы, кажется, гости на нашей земле, добро пожаловать!

Старик смотрел на меня, облизал пересохшие губы и сказал нараспев:

— Велик и счастлив твой ангел, дочь моя. Какого сада ты соловей, какого сада цветок?

— Я дочь узбекского народа, почтенный отец, я из Ташкента — из колхоза Кирова.

У нас был очень хороший переводчик и все подробно нам переводил. А старик слово «колхоз» понял без перевода. Он несколько раз повторил это слово.

Оглядываясь вокруг, он подыскал подходящее место, где бы мы могли сесть. Мы сказали, что, выражая свое уважение к нему, дехканину Индии, готовы стоя слушать его, что беседа с ним для нас очень интересна.

— Если я приглашу вас к себе в дом, пойдете ли? — спросил он.

— Спасибо, отец! Ваша беседа с нами, ваше внимание к нам — уж одно это для нас значит очень много. Это с вашей стороны больше чем гостеприимство!

Старик слушал переводчика с большим вниманием и беспрестанно кланялся нам.

— Этот мальчик — мой внук,— сказал старик.

Я взяла ребенка на руки. Мальчик обнял меня за шею.

— Слезай на землю! — сказал старик.— Ведь у твоей старшей сестры руки онемели.

Не обращая внимания на мои возражения, старик взял у меня ребенка и опустил на землю.

— Иди вон туда, ягненочек мой, и играй там. Я сейчас приду,— и старик указал на межу.

Ребенок сразу побежал к меже, сел на ней и грустно улыбнулся.

— Мать этого ребенка была моей дочерью. Беспощадная смерть весною унесла ее. Это ее единственный сын. До рассвета мы выходим в поле, а после захода солнца возвращаемся. Ничего не поделаешь: жизнь. Мы должны быть благодарны и за то, что имеем. Мы утешаем друг друга. Моя жизнь уже прошла, единственным неисхоженным моим путем остался лишь путь к могиле. А внук мой еще очень мал...

Мы слушали его.

— Говорят, у вас покончили с омачами? — спросил старик.

— Это истинная правда. Если где-нибудь и остался один, то он хранится в музее. У вас до сих пор земля вспахивается волами. У нас уже давно волы не используются в сельском хозяйстве. В нашей стране поля вспахиваются машиной, машиной засеваются, машина скашивает хлеба, обмолачивает зерно, машина насыпает его в мешки, отвозит в амбары и высыпает.

Старик удивленно покачивал головой и повторял: «Счастливые».

— А какое у тебя ремесло, дочь моя?

— Я трактористка. Собираю машиной хлопок.

— У вас машиной и хлопок собирают? — с изумлением посмотрел на меня старик.

— Да, в прошлую осень машиной я собрала девяносто тонн хлопка.

Выслушав переводчика, старик даже растерялся и, схватив себя за воротник рубашки, воскликнул:

— Ты говоришь, девяносто тонн? Ведь твоя работа, дочь моя, подобна работе сказочных дивов!

Я не могу забыть изумления старика... Да, наши тракторы могут за один день поднять восемь-десять гектаров целины. За сколько дней вспахивали на одной паре волов наши отцы и деды столько земли? Если бы в тот момент исчезло огромное расстояние между моей родиной и Индией и я могла бы сесть на свой трактор, перенестись сюда и облегчить тяжелый труд индийского дехканина! Силой тракторов-дивов, этих всемогущих титанов восточных легенд, облегчить страдания тружеников и заслужить благодарность горемыки старика! В тот час я мечтала об этом.

...Видели дом, где жил и работал поэт Рабиндранат Тагор.

...Были в Бенаресе. Это священный индийский город, центр религии. Много интересных храмов.

...Дели — столица семи империй, основана во втором веке. Старый и новый Дели. Старый Дели восточный город, а новый — современный. Он заложен англичанами в 1911 году.

...Тадж-Махал, знаменитый мавзолей, его строили двадцать тысяч рабочих в течение семнадцати лет.

Анатолий Иванович рассказывал, что Тадж-Махал — это жемчужина индийской архитектуры, удивительная симфония из белого мрамора, столь же прекрасная при лунном свете, как и в лучах яркого солнца. По преданию, шах Джехан собирался построить напротив Тадж-Махала мавзолей из черного мрамора, но его сын объявил шаха Джехана сумасшедшим, заточил отца в Агрском форту и занял его место на престоле.

...Рупия — самая крупная монета, она состоит из шестнадцати анн. Двенадцать паи — одна анна. Когда мы были в мавзолее Тадж-Махал, я дала нищим несколько паи, и меня окружили много нищих, и все просили денег. Нищих очень много, я отдала всю мелочь.

...Удивительная страна. Есть люди, которые никогда не жили под крышей, у них нет домов, нет даже самой маленькой лачуги, спят под открытым небом.

...Когда узнали, что мы русские, очень обрадовались. Они говорят, что Советы помогают индийскому народу, привозят

пшеницу и помогают строить заводы. Вообще очень хорошее отношение.

...Отсюда мы полетим в Москву.

Трудная осень

Долго мучился Султан, пока наконец не получил телеграмму из Москвы. В ней Турсуной сообщала, когда и каким поездом она приедет домой. Я думаю, нет нужды приводить вновь те разговоры, которые при встрече вели Султан и Турсуной, ибо Султан опять читал стихи и произносил возвышенные речи. Ясно, что дело было совсем не в этом. Забежим немножко вперед: ранней весной в колхозе отпраздновали свадьбу Турсуной и Султана. Были приглашены члены правления колхоза, но они не пришли. Все остальные — соседи, друзья, родственники, учителя и врачи — очень весело отпраздновали свадьбу, и члены правления могли только пожалеть, что им не пришлось на ней побывать. Они даже извинялись потом перед Султаном: им нельзя было прийти. Всем известно, что Джалилов плохо относится к невесте. Правда, теперь это уже совсем неважно.

Впрочем, когда Турсуной возвратилась с курсов усовершенствования механиков-водителей, шансы председателя колхоза, невзлюбившего механизированную уборку, явно повысились. Все говорили, что убирать машинами теперь будут еще меньше, чем прежде.

...Все лето Турсуной и Султан готовили хлопкоуборочные машины к осени. Они работали вместе в колхозной мастерской,— Султан перешел работать в колхоз. После ликвидации МТС колхоз приобрел шестнадцать хлопкоуборочных машин. Турсуной и Султан готовили к уборке три из них.

...Помните, я в свое время рассказывал о некоторых неудачных браках, о мужьях, которые после женитьбы не прочь все обязанности по дому переложить на жену.

Про Султана этого сказать нельзя. Он мне представляется идеальным мужем. Подумайте только: ушел из районной конторы в колхоз, стал заведовать колхозным радиоузлом, начал изучать хлопкоуборочную машину, и все для того, чтобы помочь Турсуной. Вы скажете: какой замечательный человек. Я готов это подтвердить. Но помните, я рассказывал о самостоятельности Турсуной. Может быть, это Турсуной сумела убедить мужа поступить именно так. Турсуной — очень настойчивая девушка...

...Накануне уборки Центральный Комитет комсомола Уз-

бекистана созвал республиканский слет молодых механизаторов. На этом слете выступала и Турсуной.

Она сказала, что обещает за сезон 1958 года собрать на хлопкоуборочной машине сто тонн хлопка. Она подробно рассказала об участке, на котором будет производить уборку. Это было поле бригады Ахмеда Бекназарова, которое весною было вспахано под зябь, а осенью засеяно квадратно-гнездовым способом. Летом машинами в двух направлениях — продольном и поперечном — обрабатывали хлопчатник. На заседании правления колхоза председатель Икрам Джалилов дал указание помогать механизаторам. Турсуной слушали очень внимательно и дружно ей аплодировали.

А когда спустя две недели Турсуной приехала с хлопкоуборочной машиной на поле, она увидела, что все оно, с уже раскрывшимися коробочками хлопка, залито водой. Турсуной и Султан разыскали бригадира, вместе побежали на поле. Бригадир собрал звеньевых, стал на них кричать, потом на мотоцикле примчался Ашур Бакиров и тоже набросился на них. Потом приехал Джалилов. Он был возмущен и тоже кричал!

— Я найду виновников, я приму соответствующие меры. Я их привлеку к ответственности.

Потом вместе с Турсуной, бригадиром, Бакировым председатель колхоза обошел все поле. Он успокаивал Турсуной:

— Как только сойдет вода, сразу начнете уборку.

И Турсуной стала ждать. Каждый день и каждый вечер вместе с Султаном она приходила в поле, но убирать было еще рано. А хлопковые коробочки уже сами начинали освобождаться от волокна. На рассвете того дня, когда можно было начать уборку, Султан и Турсуной, не спавшие всю ночь, пришли на поле — и не поверили собственным глазам: весь хлопок с площади в сорок гектаров был собран руками!

И снова повторилась неприятная сцена со звеньевым, бригадиром, председателем колхоза.

Спустя несколько часов Турсуной и Султан сидели в кабинете секретаря райкома. Секретарь райкома выслушал Турсуной внимательно и сказал:

— Что случилось, того уже не исправишь, надо найти другое поле.

После долгих разговоров по телефону было решено, что она отправится в колхоз «Коммунизм». В тот же день Турсуной и Султан поехали туда. Но там их тоже ждало огорчение.

— Какая досада! — сказал им председатель колхоза.— Если бы вы пришли на пару дней раньше — мы бы с радостью. Но на полях уже работают наши сборщики.

— А нам в райкоме сказали...— начала Турсуной.

— Да, да, в райкоме сказали правду. Мы и сами не знали, что в тех двух дальних бригадах уже началась уборка... Может, подождете немного, новые коробочки раскроются, и тогда — пожалуйста.

Ждать не имело никакого смысла. Посоветовавшись с мужем, Турсуной решила ехать в Ташкент.

Пока она была в Ташкенте, Султан позвонил в райком и выяснил, что в колхозе «Навои» есть участок для машинной уборки. Он повел туда свою машину. Но когда он через день приехал на поле, то и там уже была собрана вручную большая часть хлопка.

А в это время Турсуной пришла в кабинет Центрального Комитета комсомола Узбекистана. Дело было очень серьезное, и секретарь ЦК комсомола постарался помочь Турсуной. Наконец было решено, что она поедет на уборку в совхоз «Баяут» № 4.

Турсуной не заехала домой, а сразу поехала в совхоз, но проплутала весь день и заночевала в домике путевого обходчика. Утром она наконец разыскала совхоз.

И вот она в кабинете директора Усмана Юсупова. Она взволнованно рассказывает ему о своих мытарствах, а сердце у нее бьется: вдруг и этот человек скажет ей, что она опоздала. Но старый директор совхоза покачал головой и сказал одобряюще:

— Много же ты, дочка, пережила. Но не будем терять времени — поле для тебя есть.

В это время перед домом конторы Турсуной ждал Султан. Он позвонил в ЦК, узнал, где Турсуной, и приехал вслед за ней.

Они вместе осмотрели машину. Она требовала ремонта, но ждать нельзя было — пора начинать уборку. Трое суток Султан не отходил от машины,— он мужчина, может не спать, а Турсуной не может... Правда, некоторые механики-водители посмеивались над «гастролерами». Смеялись над Турсуной старики и парни потому, что она ходила в комбинезоне. Но машина все-таки появилась на поле и в день собирала по пять тонн хлопка. К несчастью, испортилась погода, и пришлось ждать, пока просохнет земля.

В совхозе «Баяут» № 4 Турсуной убрала 40 тонн хлопка. После этого они вернулись в свой колхоз. Уборка все еще продолжалась, и Турсуной с Султаном решили пойти в поле. Турсуной ежедневно собирала руками по сто килограммов. Во сколько раз больше она собрала, если бы работала на машине!

В ноябре у Турсуной родилась дочь.

Ее назвали Мухаббат, что в переводе на русский язык значит — Любовь.

Большие дни

Серьезные дни наступили для Турсуной. Она взяла обязательство собрать на машине «СХМ-48М» не менее ста десяти тонн хлопка. С самой весны вместе с бригадиром Юсуфали Ахмедовым она начала готовить поле к машинной уборке.

— Я не понимаю, кто из нас бригадир,— сердился Юсуфали, и кончики его усов поднимались,— ты или я? Если ты, то на тебе, пожалуйста, моего коня, мою камчу — плетку, мою записную книжку и вечную ручку, которую мне подарил председатель колхоза. Возьми табельщика, чайханщика, повариху и делай что угодно, а я буду лежать на айване, закрыв лицо газетой, чтобы не беспокоили мухи.

Турсуной уже не сердилась на бригадира, она весело смеялась:

— Вы — хозяин в бригаде, только вы, дорогой Юсуфали, а я всего лишь примеряюсь к вашему полю... Ведь убирать хлопок придется мне, если, конечно, в этом году опять...

— Что ты, что ты! Разве кто-нибудь посмеет опять залить поле водой?..

— То-то, дорогой бригадир,— улыбалась Турсуной, и глаза ее сжимались в узкие, смеющиеся щелочки.

Не только бригадир, но и председатель колхоза Икрам Джалилов понимал, что без машинной уборки в этом году не обойтись. Времена наступили другие.

Когда-то от председателя требовалось только, чтобы он выполнил план по хлопку. Теперь с него спрашивают и севообороты, и силос, и удои, теперь на бюро райкома «гоняют» за себестоимость. Поэтому немудрено,что на заседании правления Джалилов предлагает послать уполномоченного на завод, чтобы к началу уборки в колхозе была новая, более производительная машина «ХВС — 1, 2».

Турсуной тянуло в поле... Она брала с собой Мухаббат. Девочка сладко спала на руках матери, пока та осматривала и без того знакомое поле. Времени было достаточно, чтобы привести в порядок хлопкоуборочную машину. С двухмесячных курсов, где Турсуной изучала новую машину, она привезла конспекты,— она была уверена, что в конце концов новая хлопкоуборочная машина прибудет в колхоз.

Она видела, что Джалилов будет теперь за машинную уборку,— это ему выгодно. Неприятно было только, что он по-прежнему неприветлив с ней,— видно, ему трудно было смириться с тем, что за девчонку вступился Центральный Комитет комсомола, и обком, и райком.

Для опыления участка, где должна производиться уборка машиной, прибыл самолет. Турсуной в специальном костюме и маске-респираторе стояла на поле и держала в руке флаг, показывая самолету направление. Спустя несколько дней коробочки стали дружно раскрываться, а листья опадать.

Из Ташкента по поручению Центрального Комитета комсомола на помощь Турсуной приехало несколько комсомольских работников. Они решили дежурить в поле, хотя Турсуной убеждала их на этот раз поверить Джалилову. Но комсомольцы не хотели рисковать. Как ни неприятно это было Джалилову, он вынужден был сделать вид, что все идет как надо. Он сам обходил поля машинной уборки, сам проверял, хорошо ли разровняли оросительные арыки.

Коробочки раскрывались быстро, хлопок был зрелым, сухим. Турсуной решила начать уборку. Она привела свою машину в поле и пошла ночевать в бригадный стан. Комсомольцы спрятались в поле, дожидаясь рассвета, «связным» между ними был Султан.

Поздно ночью на коне проплыл по дороге Юсуфали, свистнул, будто окликнул кого-то, но никто ему не ответил. Комсомольских постов и Султана он не заметил.

А спустя несколько часов на поле пришли колхозники... Все-таки пришли. Пришли для того, чтобы руками убрать хлопок, подготовляемый с самой весны к машинной уборке. Но комсомольские посты и Султан оказались на своих местах.

Колхозников собрали в бригадном полевом стане. Это было удивительное собрание. Выяснилось, что многие пришли сами, никто их об этом не просил. Они объяснили, что им жалко хлопка, а когда им в который раз повторили все с самого начала, они молча слушали и снова повторяли одно и то же:

— Машина мнет кусты.

— Оставляет хлопок.

— А ведь сеяли и ухаживали за этим полем.

Утром Турсуной выехала на хлопкоуборочной машине.

— Да будет обильным ваш хирман,— говорили ей.

— Будьте удачливы и счастливы вы сами,— отвечала Турсуной.

Однажды во время обеденного перерыва к Турсуной подошли два человека. Это были конструкторы машины Аполлинарий Николаевич Приходько и Гулям Ахмедов. Они приехали специально к ней, чтобы поговорить о достоинствах и недостатках «ХВС-1, 2».

Турсуной рассказывала, а инженеры записывали ее замечания в блокнот.Потом она вытерла руки и карандашом нарисовала схему.

— Надо сделать радиатор большего размера,— говорила Турсуной,— а то этот медленно охлаждается. Я бы на вашем месте подумала об увеличении мощности мотора, а то быстро греется, каждые два-три часа приходится менять воду. Ваш бункер рассчитан на триста пятьдесят килограммов сырца, а можно его увеличить примерно в полтора раза и довести до пятисот килограммов. И потом пора уже подумать о создании четырехрядной хлопкоуборочной машины...

Все это говорила конструкторам Турсуной, и со всем этим соглашались. А колхозники, обступившие Турсуной и инженеров, с уважением и гордостью глядели на нее. И никто уже не думал осуждающе о том, что она одета в комбинезон, никто не сказал: «Вот если бы был мальчишка — другое дело». Это была их Турсуной, к которой они привыкли, которой гордились.

На мотоцикле примчался Ашур Бакиров.

— Это мой учитель,— сказала Турсуной. Инженеры с уважением посмотрели на механика.

— Как работают другие машины?— спросил Ахмедов.

— В общем, ничего,— ответил Бакиров,— из двенадцати машин двенадцать работают, но столько, сколько Турсуной еще никто не собирал.

— А сколько вы собрали вчера?— спросил Приходько.

— Двенадцать тонн,— ответила она.

— Я горжусь, что принял участие в конструировании такой машины.

— И я тоже,— сказал Ахмедов.

Турсуной убрала сто шесть тонн хлопка, и когда она уже заканчивала, пришла новая машина «ХВС-1, 2». Султан в мастерской подготовил ее, и на ней Турсуной закончила уборку. Всего в 1959 году она собрала двести десять тонн хлопка.

Это — один миллион метров ткани, шестнадцать тонн масла, сорок две тонны жмыха, тринадцать тонн мыла. Вот что такое двести десять тонн хлопка, собранного Турсуной.

Ее машина заменила труд ста человек. Хлопкоуборочные

машины одному только колхозу имени Кирова сэкономили шестнадцать тысяч трудодней.

Комсомольцы и агитаторы, проводя беседы на полевых станах, подчеркивали именно этот факт:

— Вы подумайте, к каждому трудодню машины добавили десять процентов.

Не все колхозники понимали, что это такое, и тогда агитаторы объясняли: если на трудодень будет выдано двадцать рублей, то два из них добавили хлопкоуборочные машины.

— Если машины все будут делать,— спросил старик,— тогда что же будем делать мы?

В самом деле, что? Прежде всего, понадобится много новых специалистов: мотористов, поливальщиков, трактористов, механиков-водителей хлопкоуборочных машин, бульдозеристов. Понадобятся и летчики. Они будут химическим путем пропалывать поля.

— Неужели и летчики?— удивлялись люди.

— Да, конечно,— подтверждали агитаторы.

— А как же мы? Что будем делать мы, остальные?

— И всем остальным хватит работы в садах, виноградниках, на животноводческих фермах, которые будут расти из года в год... А женщины не будут работать в поле с кетменем, у них появится время не только для домашних дел, а для учебы в школах, на курсах, в техникумах.

— Неужели это будет?

— Конечно, и очень скоро.

В это уже можно было поверить.

Заседание декабрьского Пленума ЦК КПСС происходило в Кремле. Турсуной впервые была в здании Большого Кремлевского дворца. Она оглядывала зал, всматривалась в лица людей, пытаясь найти в них что-то необычайное. Но она видела простые, ничем особенно не отличающиеся от других лица. Она различала русских и украинцев, грузин и азербайджанцев... Люди разных национальностей собрались в этом зале.

И вдруг она услышала свою фамилию:

Приготовиться Турсуной Ахуновой.

И она начала готовиться. У нее было три листочка бумаги, на которых разборчивым почерком Султана переписана ее речь. Ее она показала в Центральном Комитете комсомола. Там прочитали и сказали, что речь хорошая, но лучше, если она будет говорить свободно, без всякой шпаргалки.

И вот Турсуной на трибуне. Она немного волнуется и никак не может начать, ей кажется, что пауза длится очень

долго, а на самом деле проходит всего лишь несколько секунд. И она начинает рассказывать, как она работала, как собрала двести десять тонн хлопка и этим заменила сто колхозников.

Она рассказывает о том, что правление колхоза выделило ей сто гектаров земли и на этом участке она теперь возглавит бригаду комплексной механизации. Турсуной рассказывает, что сеять будут только квадратно-гнездовыми сеялками и обрабатывать тракторами в двух направлениях, без кетменя.

Она смотрит в зал и видит, что очень много людей глядит на нее. И Турсуной забывает о своей бумажке и говорит о том, что вырастит урожай в пятьдесят центнеров с каждого гектара и на машине «ХВС-1,2» уберет двести пятьдесят тонн хлопка.

— Мы просим выпускать больше таких хлопкоуборочных машин,— говорит она.— Женщины Узбекистана будут очень благодарны за то, что они освободятся от тяжелого труда — ручного сбора хлопка.

И Турсуной под бурные аплодисменты сходит с трибуны.

В перерыве ее находят руководители партии и правительства. Бесчисленные вспышки фотоаппаратов ослепляют ее.

Спустя несколько дней Турсуной узнает, что ей присвоено звания Героя Социалистического Труда.

Это было 25 декабря 1959 года.

Надо считать!

...Оказывается, его не ругают, а учат. Это было главное, что прежде всего отметил про себя Джалилов. Он боялся, что все эти люди, заполнившие районный Дом культуры, пришли сюда посмеяться над ними. Он еще раньше решил, что молча выслушает все упреки, потом выступит и скажет коротко о том, как он создавал колхоз, скажет, что все недостатки, о которых тут говорилось, он обязательно учтет и постарается исправить. А что касается Турсуной,— он, честное слово, не виноват. Да, два года получалась безобразная история, он ругал бригадира, он вынес этот вопрос на правление колхоза, он обещает, что в будущем году этого не повторится.

Он не знал, поверят ли эти люди его словам. В зале сидели колхозные бригадиры, механизаторы его колхоза, активисты из других колхозов района, тут были работники обкома партии и Министерства сельского хозяйства, ученые-экономисты.

Но как только началось это необычное собрание, Джалилов понял, что ругать его не будут. Он понял и другое: после этой экономической конференции в колхозе должны будут произойти большие перемены.

На конференции говорили о том, что он, Джалилов, отлично знал, и все-таки это было для него ново.

Оказалось, что в прошедшем году уровень механизации вырос всего лишь на три процента. Председательствующий на конференции новый секретарь райкома Киргизбаев бросил реплику: колхоз имени Кирова посеял всего лишь четыреста тридцать пять гектаров квадратно-гнездовым способом.

— Если бы на остальных тысяче ста сорока гектарах хлопок был высеян квадратно-гнездовым способом, то колхоз сэкономил бы восемьдесят семь тонн семян, от которых только масла можно было бы получить около пятнадцати тонн, а это составляет более двухсот тысяч рублей,— так сказал Киргизбаев.

Докладчик же добавил в ответ, что, кроме того, колхоз на рядовом севе потерял около четырех тысяч человеко-дней.

Потом выступил другой оратор и стал подробно рассказывать о механизированном звене Ашура Бакирова. Он сравнивал работу этого звена с полеводческой бригадой Бекназарова. И оказалось, что большую работу с меньшими затратами проделало звено Ашура Бакирова, хотя в нем было всего десять человек, в пять раз меньше, чем в бригаде Бекназарова.

Бросили Джалилову упрек в том, что в колхозе шестнадцать машин простояли без дела. Если бы колхоз использовал все хлопкоуборочные машины, он сэкономил бы сотни тысяч рублей.

Джалилов понимал, что и в других колхозах такое положение, и ему стало обидно, что говорят все-таки только о его колхозе. Но опровергнуть факты, которые приводились в докладах и выступлениях, он не мог.

Выступал инженер-экономист из Ташкента. Он провел в колхозе недели две, обошел все бригады. То, о чем он говорил сейчас с трибуны, было известно Джалилову,— ведь Джалилов не раз кормил его пловом у себя дома и тот еще подробнее, чем сейчас, на конференции, рассказывал ему о делах колхоза. И все-таки почему-то тогда Джалилов не придавал значения его словам. Сейчас, с трибуны, речь инженера обрела для Джалилова смысл.

— Каждый день,— говорил он,— заведующему мельницей и кузнецу начисляют полтора трудодня, плотнику — один с четвертью, чайханщику — один трудодень. А какой доход